

Денис Викторович Кузьмин

кандидат филологических наук, PhD, старший научный сотрудник сектора языкознания,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
(185035, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11)
E-mail: kusmiccu@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6717-4214>

ОЙКОНИМИЯ КАРЕЛОВ-ЛИВВИКОВ

Аннотация

В статье рассматриваются названия населенных пунктов Южной (Олонецкой) Карелии, где последние несколько столетий бóльшая часть населения говорит на ливвиковском наречии карельского языка. Автором отмечено, что на ранних этапах освоения региона карелами-ливвиками формирование поселенческой системы определялось физико-географическими условиями и типом практикуемого населением хозяйства. Важнейшую роль здесь сыграло то, что Южная Карелия богата озерами и реками, поэтому первоначально деревни карелов-ливвиков находились главным образом на берегах водоемов. С XVIII в. начинается освоение не связанных с водоемами возвышенностей, в связи с чем появляются населенные пункты «сележного» типа. Главное внимание в статье уделено типам сельских поселений у карелов-ливвиков и структурным особенностям их ойконимии. В однокомпонентных названиях наиболее частотными оказываются ойконимы с *l*-овым формантом, восходящие, как правило, к антропонимам; реже используются отантропонимные модели без форманта и с формантами *-(i)ne*, *-sto*, рус. *-ово*, *-щина*. Среди остальных ойконимов наибольшей продуктивностью обладают названия, образованные на основе географических терминов *pogostu* ‘село с церковью’, *kylä* и *hieru* ‘деревня’; выявлен также ряд терминов для обозначения малодворных поселений и хуторов: *kodi*, *kondu*, *perti*, *taloi*; карельские термины, восходящие к рус. *мыза*, *хутор*. В статье анализируются причины различной продуктивности ойконимов с этими компонентами, рассматриваются вопросы хронологии их вхождения в топонимическую систему, обосновывается включение в данный ряд реконструированных по топонимическим данным лексем **moiživo* и **tula*, служивших предположительно для обозначения малодворных поселений и хуторов. По мнению автора, кульминация формирования поселенческой системы в Южной Карелии приходится на первую треть XX в., однако далее, с коллективизацией и последовавшими за ней репрессиями, начала происходить деградация поселенческой системы, финалом которой стала ликвидация «неперспективных» деревень в 1960–1970-е гг.

Ключевые слова: Республика Карелия; Олонецкая Карелия; ливвиковское наречие карельского языка; русский язык; ойконимия; географическая терминология; структурные типы ойконимов; языковые контакты

Благодарности

Работа выполнена в рамках темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний» (124022000089-4).

Для цитирования

Кузьмин Д. В. Ойконимия карелов-ливвиков // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 110–152. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.019

Рукопись поступила в редакцию 30.01.2024

Рукопись принята к печати 18.03.2024

Denis Viktorovich KUZMIN

PhD, Senior Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (11, Pushkinskaya Ave., 185035 Petrozavodsk, Russia)

E-mail: kusmiccu@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6717-4214>

OIKONYMY OF THE LIVVIK KARELIANS**Abstract**

The article investigates the settlement names in Southern (Olonets) Karelia, where the Livvik dialect of the Karelian language has been spoken for centuries. The study highlights that, in the early stages of settlement by Livvik Karelians, the development of villages was shaped by the region's physical geography and the population's way of life. Due to the abundance of lakes and rivers in Southern Karelia, early villages were mostly established along these water bodies. However, from the 18th century onwards, settlements began to develop on higher ground, leading to the formation of "settlement" type villages. The article focuses on the types of rural settlements and the structure of their names. The most common single-component names include oikonyms with the *-l* formant, typically derived from personal names. Less common are deanthroponymic patterns without a formant, and those with the formants *-(i)ne*, *-sto*, or the Russian *-ovo* and *-shchina*. Among other oikonyms, those based on geographical terms such as *pogostu* 'village with a church,' *kylä* and *hieru* 'village' are particularly prevalent. The study also identifies terms for smaller settlements and farmsteads, such as *kodi*, *kondu*, *perti*, and *taloi*, along with terms borrowed from Russian, like *myza* and *khutor*. The author examines why certain types of oikonyms are more common, the timeline of their adoption into the local toponymy, and the inclusion of reconstructed terms like *moiživo* and *tula*, which likely referred to small homesteads. The author concludes that the formation of the settlement system in Southern Karelia peaked in the early 20th century but began to decline with collectivisation and subsequent repressions, leading to the abandonment of many villages in the 1960s and 1970s.

Keywords: Republic of Karelia; Olonets Karelia; Livvik dialect; Karelian language; Russian language; oikonymy; geographical terminology; structural types of oikonyms; language contacts

Acknowledgements

This research was conducted as part of the project *Balto-Finnic Languages of North-West Russia in the Context of Digitalisation of Scientific Knowledge* (124022000089-4).

For citation

Kuzmin, D. V. (2024). Oikonymy of the Livvik Karelians. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 110–152. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.019

Received on 30 January 2024

Accepted on 18 March 2024

Олонецкая Карелия (карел. *Anuksen Karjal*) в узком значении¹ — регион Республики Карелия, населенный олонецкими карелами, или карелами-ливвиками². Благодаря расположению в южной части современной Карелии, сравнительно мягкому климату и плодородию почв эта территория была достаточно рано заселена прибалтийско-финским крестьянским населением. В ее пределы входит, например, Олонецкая равнина (карел. *Anuksenlagei*), которая на протяжении многих столетий являлась наиболее плотно заселенным карелами регионом в пределах границ современной республики. В Олонецком районе и в настоящее время проживает наибольшая часть карелоязычного населения.

Процесс формирования поселенческой структуры ливвиковского ареала длился несколько сотен лет. Кульминация этого процесса приходится на первую треть XX в., однако после коллективизации и репрессий происходит постепенная деградация поселенческой системы, финальным аккордом которой стала ликвидация «неперспективных» деревень в 1960–1970-е гг.

1. О начальном этапе формирования ойконимии Южной Карелии

Олонецкая Карелия — территория давних этнических и языковых контактов. Согласно археологическим данным, в Карелии выявляется по крайней мере девять культурно-хронологических пластов и типов древностей, которые начиная с эпохи мезолита сменяют друг друга на протяжении девяти тысяч лет, вплоть до эпохи позднего Средневековья [Косменко 1996: 18]. Нас интересует прежде всего II тыс. н. э., особенно его вторая половина, в течение которой происходило становление современной поселенческой структуры. В этот период в заселении Южной Карелии приняли участие представители нескольких этнических групп: древние саамы, древние вепсы, карелы и, видимо, в незначительной степени представители русского этноса.

¹В широком значении это территория бывшей Олонецкой губернии, где, кроме карелов-ливвиков, проживали также карелы-людики, собственно-карелы, вепсы и русские.

²Территория тянется примерно на 190 км от границы современной Ленинградской области на юге до окрестностей собственно-карельской д. Линдозеро Кондопожского района Карелии на севере; в меридиональном направлении протяженность ливвиковского ареала не превышает 75 км.

Начальный этап поселенческой системы связан с древнесаамским населением, освоившим регион еще в первой половине I тыс. н. э. К сожалению, подтверждающих это письменных источников в настоящее время не существует, однако об этом свидетельствуют топонимы с саамскими истоками. Так, саамским по происхождению является само название города (ранее села) *Олонэц*, восходящее к гидрониму р. *Олонэц* (карел. *Anuksenjogi*, совр. *Олónка*) < прасаам. **ōlō* ‘паводковые воды’³ + топонимообразующий суффикс *-пĕ* (> **ōlōпĕ* > *Олонец*).

Впервые поселение *Олонец* упомянуто в 1228 г. в приписке к Уставу новгородского князя Святослава Ольговича [Кочкуркина 2011: 19]. Считается, что первые погосты на юге Карелии появились к середине XIII в. на землях средневековых вепсов — в Посвирье и на Олонце, а также у вепских и русских крестьян-переселенцев на Заонежском полуострове. Исследование текста Обонежского ряда и летописных сведений того времени показало, что налог (десятина) с погоста на Олонце стал поступать Дому Святой Софии в Новгород с конца 1250-х гг., когда эти земли были отданы новгородскому князю в кормление [Жуков 2000: 44]. Таким образом, документально Олонец — самое древнее из ныне существующих поселений в пределах Республики Карелия. К сожалению, точное местонахождение древнего погоста исследователям неизвестно. В то же время данные топонимии позволяют предполагать, что он мог находиться на незатапливаемом во время разлива р. Олонка месте между современным г. Олонец⁴ (карел. *Anuksenlinnu*) и д. Ватчелицы (карел. *Vuaččilu*) Рыпушкальского сельсовета, которое носило в карельской среде название *Lapinpogostu*, букв. «Лопский / Лопарский погост» [НТК]. Еще в середине XX в. здесь находились километровый участок нетронутого леса и старое кладбище. Отэтнотонимическое название свидетельствует о том, что наиболее ранними известными первоначальниками окрестностей Олонца были именно саамы-лопари.

На другие древнесаамские поселения в пределах исследуемой территории могут указывать топонимы с основой *Siid-/Cud-/Cum-*, ср. прасаам.

³Это подтверждается, на наш взгляд, расположением низовой реки в пределах Олонцевской равнины, которая в период проживания здесь древнесаамского населения была подвержена значительным весенним паводкам. Тем самым появление русскоязычного названия р. *Олонец* (вар. *Олонка*) связано, видимо, со временем непосредственного контактирования древних саамов с древнерусским населением. Ср. также вариант названия р. Улванка (приток р. Олонка) — *Uivanča* [СНМ 1873: XXXIV], в котором тоже можно видеть упомянутый выше древнесаамский топонимообразующий суффикс *-пĕ*. Вопрос о происхождении прибалтийско-финского (карелоязычного) названия *Anuksenjogi* остается в настоящее время дискуссионным.

⁴В карельском и вепском языках ударение всегда падает на первый слог. В русскоязычных эквивалентах карельских и вепских топонимов первый слог в большинстве случаев также является ударным. В связи с этим ударение указано в тексте статьи только в отдельных случаях.

**sijte* ‘(зимняя) деревня’. Этот ойконимический термин обозначает форму локального объединения нескольких семей или родов, у которых была общая территория проживания и природопользования [Vilkuna 1971: 201–236]. К данной группе топонимов предположительно относятся пор. *Siidoikoski* < **Siidakoski* (Куйтежа, Неккульская вол.) и д., оз. *Сигозеро*⁵ (карел. *Ol’ki*) в бывшей Коткозерской волости, фиксируемое в ревизских сказках 1782 и 1834 гг. как *Судозеро* (< **Siidajärvi*) [НАРК 1782: 355; 1834: л. 104 об.].

Кроме того, отметим, что для большинства названий бывших волостей, а также некоторых центральных деревень сельсоветов начала XX в. прослеживаются доприбалтийско-финские истоки: *Videle* (рус. *Видлица*), *Vieljärvi* (рус. *Ведлозеро*) < **vitel-* (неизвестного происхождения); *Kotkatjärvi* (рус. *Коткозеро*) < прасаам. **kuotkō(j)* ‘перешеек’, *Siämäjärvi* (рус. *Сямозеро*) < прасаам. **sāmē* ‘саам, лопарь’; *Vuohtajärvi* (рус. *Вохтозеро*) < прасаам. **uktj* ‘путь, дорога’.

Возможно, память о саамском⁶ населении в южных частях Карелии хранят также названия с этнонимической атрибутивной частью ***Lapin-/Lappi-*** (карел. *lappi* ‘саам, лопарь’): оз. *Lapind’ärvi* (Олон.: Михайловское), оз. *Lapinlambi* (Петр.: Курганова Сельга), уг. *Lapinniittu* (Святоз.: Святозеро), о-в *Lapinsuari* (Сямоз.: Руга), бол. *Lapinsuo* (Олон.: Ильинское), бол. *Lapinsuo* (Олон.: Мошничье), н. п. *Lappil* (Видл.: Видлица), ? зал. *Lappilahti* (Видл.: Кукойвара); и др.⁷

В начале I тыс. н. э. регион постепенно осваивается древневепским населением⁸. Свидетельством проживания вепсов в Олонецкой Карелии

⁵Форма *Сигозеро*, как и русскоязычный вариант названия д. *Сигнаволок* (карел. *Siidniemi*), у карелов-людиков могла появиться в результате народной интерпретации ставшего необъяснимым с точки зрения карельского языка саамского по происхождению наименования озера. Карельское поселение Сигозеро существовало уже по крайней мере в 1782 г. [НАРК 1782].

⁶Не исключено, что названия рассматриваемого типа могут указывать и на подселение карелоязычного населения с более северных территорий, например из бывших Лопских погостов, граничивших с ливвиковским ареалом на севере. Ср. у сегозерских карелов *lapinkieli* ‘карельский язык местного населения к югу и северу от Падан’.

⁷Карелоязычный топонимический материал хранится в научной топонимической картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН [НТК].

⁸Видимо, наиболее активно этот процесс проходил в период между 1200 и 1300 гг., когда средняя температура в северном полушарии была выше обычного. Древние вепсы в сравнении с карелами были в большей степени связаны с земледелием [см.: Муллонен 2019: 305], тем самым природные условия того периода были благоприятными для освоения ими новых территорий к северу от прародины и ведения там сельского хозяйства. В конце XIV в. начинается период глобального относительного похолодания, известный как Малый ледниковый период [Малый ледниковый период]. Можно полагать, что с его наступлением продолжение вепсской поселенческой активности на вновь освоенных к тому времени территориях существенно замедляется, а к северу от Олонецкой равнины вообще приходит в упадок.

в конце эпохи Средневековья может являться датируемая X–XIII вв. курганная культура, связанная с берегами рр. Видлица, Тулокса, Олонка. Фиксируемые здесь погребальные памятники аналогичны курганам Юго-Восточного Приладожья, т. е. археологические свидетельства позволяют говорить о миграциях на Олонецкую равнину населения с более южных (ныне обрусевших) территорий севера современной Ленинградской области. Это подтверждается и языковыми фактами. Согласно данным карельской диалектологии, ливвиковское и людиковское наречия карельского языка сформировались в результате вепско-карельского этноязыкового контактирования, происходившего в ходе миграции карелов из Приладожья на территорию нынешней Южной Карелии, населенной ранее вепсами. Это подкрепляется в том числе фиксирующимися здесь вепскими топонимическими моделями; отметим и то, что в первой трети XIII в. пог. Олонец был переписан в составе административного округа Обонежский ряд, который территориально тяготел к вепскому Присвирью [см.: Муллонен 2020: 215].

Письменных исторических источников новгородского времени по исследуемой территории крайне мало, а документы массового характера (например, писцовые переписные книги) появляются только со второй половины XVI в., что не позволяет проследить время появления большинства населенных пунктов современной Южной Карелии в вепский период истории региона. Отметим, однако, что, по подсчетам историка А. Ю. Жукова, рассматривавшего по письменным источникам северный ареал расселения ливвиков в Сямозерье, в 1563 г., в конце новгородского времени, на этой территории было 58 деревень — главным образом малодворных или однодворных, располагавшихся на месте 23 деревень⁹ начала XX в. [Жуков 2008: 48–65]. С большой долей уверенности можно говорить о том, что в XVI в. они были населены именно вепсами, поскольку массовое карельское освоение региона началось только во второй половине XVI в. Интересно также, что, кроме владений новгородских бояр, в северной части Сямозера известны две деревни «на Масленном наволоке» (совр. дд. Большая Руга и Малая Руга), принадлежавшие своеземцу Климу Копанкину [Там же: 59] или местному средневековому вепскому феодалу.

Поскольку Юго-Восточное Приладожье, поделившееся в XVI–XVII вв. на карельскую Олонецкую Карелию и вепское Присвирье, было в прошлом единым этноязыковым ареалом, здесь в числе других параллелей можно

⁹ Вот эти деревни: Ангенлахта, Ершनावолок, Инжуनावолок, Каменьनावолок, Кангозеро, Киндасово, Кишкойла, Кожойла, Крошноезеро, Курмойла, Кяргеля, Лахта, Нижняя Салма, Погыляхта, Руга Большая, Руга Малая, Салменица, Сямозеро, Сяргилахта, Улялега, Чуйनावолок, Шапनावолок, Эссойла.

ожидать и определенного сходства основ и формантов в отантропонимных названиях поселений. На обеих территориях представлена, например, русская адаптационная ойконимная модель на *-ичи/-ицы*, которая использовалась здесь уже в новгородское время для введения в документооборот нерусских именованных поселений с прибалтийско-финским суффиксом *-la*, оформляющим топооснову, выраженную календарным или некалендарным именем, — ср. *Каргиничи*, *Киковичи*, *Кургеницы* на вепсской территории; *Игаченицы*, *Кярбиницы*, *Пергиницы* и др. на карельской территории. Исходя из этого, в будущем стоит попытаться выявить примарные названия ливвиковских деревень рассматриваемого типа и понять, могли ли они существовать здесь в вепсское время или же их появление стало результатом освоения Южной Карелии карелами. Одним из критериев такой выборки может быть общность антропонимических основ на обеих территориях и их отсутствие в других ареалах карельского расселения.

Этот вопрос требует специального исследования, однако уже сейчас можно предварительно представить ряд ойконимов, в которых просматривается связь антропонимии вепсских территорий и современной Южной Карелии, ср. соответственно: вепс. *Герпеничи* — карел. *Hörpäl* (*Герпяля*); вепс. *Канжела* — карел. *Kanzoi*; вепс. *Кинницы* — карел. *Kinni*; вепс. *Кожела* — карел. *Kožal* (*Кожала*), *Kožoila* (*Кожойла*); вепс. *Куневичи* — карел. *Kun'oilu* (*Куневицы*); вепс. *Нуроля* — ? карел. *N'ural* (*Нюрала*); вепс. *Пижевичи* — карел. *Piži* (*Обжа*); вепс. *Юксовичи* — карел. *Juoksiilu* (*Юксилицы*); вепс. *Намарал* (*Гоморовичи*) — карел. *Hamarmägi* (*Гаморгора*); вепс. *Kingl* — карел. **Kink(k)i*, рус. *Кинкиева* (*Кондуши*). Понятно, что не все из приведенных названий существовали на исследуемой территории в вепсский период, на что указывают, на наш взгляд, современные бесформантные формы ряда ойконимов. В то же время отсутствие этих антропонимических основ на других карелоязычных территориях дает основания предполагать, что они по крайней мере могут иметь общие истоки в вепсском Присвирье и Олонецкой Карелии. При этом часть приведенных выше населенных пунктов, названия которых включают локативный прибалтийско-финский формант *-la* ~ (рус. *-ичи/-ицы*), могла быть основана непосредственно присвирскими вепсами, осваивавшими в конце эпохи Средневековья Олонецкую равнину.

2. Статистические данные по деревням ливвиковского ареала

На ранних этапах формирования поселенческой системы региона определялось его физико-географическими условиями и типом практикуемого населением хозяйства. Тогда главную роль играло то, что Южная Карелия

богата озерами и реками, — соответственно, например, письменные источники XVI в. свидетельствуют о том, что в ходе складывания поселенческой структуры заселялись прежде всего берега водоемов. На юге это низовья р. Олонка и других рек ареала, севернее — берега озер. С XVIII в. начинается освоение возвышенностей, в связи с чем появляются поселения сележного типа. В табл. 1 представлены статистические данные о поселениях региона на 1926 г.

Таблица 1

Ливвиковские деревни по [СНМ 1926]

Район	Деревни в 10 и более дворов	Деревни в 1–9 дворов	Хутора / выселки	Всего поселений
Видлицкий	88 (46,6 %)	56 (29,6 %)	45 (23,8 %)	189
Олонецкий	153 (60,3 %)	90 (35,4 %)	11 (4,3 %)	254
Петровский	14 (60,9 %)	7 (30,4 %)	2 (8,7 %)	23
Святозерский	30 (56 %)	21 (42 %)	1 (2 %)	51
Сямозерский	76 (45 %)	74 (44 %)	19 (11 %)	169
Кондушское общество ¹⁰ (1905 г.)	19 (75 %)	6 (25 %)	0 (0 %)	25
Итого:	377 (53,2 %)	254 (35,8 %)	78 (11 %)	711

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в первой трети XX в. 66 % деревень ливвиковского ареала находились на территории Видлицкого и Олонецкого районов и прилегающей к ним с юга территории Кондушского общества. Здесь же фиксируется бо́льшая часть крупных и средних по размеру населенных пунктов.

¹⁰ После упразднения Олонецкой губернии в сентябре 1922 г. самая южная часть ливвиковских территорий (бывшее Кондушское общество Неккульской волости Олонецкого уезда) была включена в состав Лодейнопольского уезда Петроградской губернии. В настоящее время это д. Андреевщина Янегского сельсовета Лодейнопольского района Ленинградской области. Для этой территории данные в таблице приводятся по [СНМ 1905: 68–71].

В то же время, как можно видеть по таблице, малые деревни в 1–9 дворов вместе с выселками и хуторами (всего 334 н. п.) составляют почти половину (47 %) от общего количества населенных пунктов. Это, видимо, указывает на относительную «молодость» многих деревень, населенных карелами-ливвиками. Среди 377 наиболее крупных деревень поселения из 10–15 дворов (156 н. п.) составляют 21,9 %; из 16–20 дворов (75 н. п.) — 10,5 %; из 21–30 дворов (82 н. п.) — 11,5 %; из 31–40 дворов (28 н. п.) — 3,9 %; из 41–50 дворов (15 н. п.) — 2,1 %. Более 50 дворов насчитывалось только в 21 населенном пункте, что составляет всего 3 % от общего числа деревень региона. Среди них Бережная (Самбатукса) (55 дворов), Большие Сельги (55), Большой Лисий Берег (Видлица) (71), Валоила (Тукса) (57), Ведлозеро (58), Верхний Конец (Видлица) (65), Княщина (Видлица) (52), Колатсельга (51), Коткозеро (62), Котчила (Ильинское) (57), Неккулица (56), Нурмойла (54), Палалахта (70), Погранкондуши (81), Рышкала (Тукса) (73), Самбатукса (54), Угмойла (Сямозеро) (52), Чаролицы (Куйтежа) (63), Юксила (Ильинское) (55), Юргилица (Ведлозеро) (57). Все они, за исключением шести, располагались в южной части исследуемого региона. При этом самым крупным поселением ливвиковского ареала являлось с. Олонец, наиболее древний населенный пункт ливвиковского ареала: в 1926 г. здесь насчитывалось 474 двора. В табл. 2 показан рост числа дворов в ливвиковских поселениях с 1905 по 1926 гг.

Таблица 2

Рост числа дворов с 1905 по 1926 гг. [СНМ 1905; 1926]

Общества на 1905 г.	Число дворов в 1905 г.	Число дворов в 1926 г.	Рост в %
Вагвозерское	260	353	+ 26,3
Ведлозерское	230	333	+ 30,9
Вохтозерское	148	202	+ 26,7
Кондушское	390	483	+ 19,3
Куйтежское	106	195	+ 45,6
Обжанское	157	200	+ 21,5
Рышкальское	241	466	+ 48,2
Самбатукское	120	185	+ 35,0
Сямозерское	116	148	+ 21,6
Тулумозерское	373	471	+ 20,8

Согласно сведениям таблицы, за 20 лет в олонецких деревнях произошел достаточно существенный прирост количества дворов, что, видимо, стало следствием положительных демографических изменений в регионе. В среднем по населенным пунктам десяти обществ списка 1905 г. прирост дворов составил 29,6 %. Однако в Куйтежском обществе, а также в Рышкальском обществе, центр которого находился на территории современного Туксинского сельсовета, прирост был значительно выше и достигал 45,6 % и 48,2 % соответственно.

Увеличение населения и его плотности, а также связанная с этим земельная теснота вызвали движение карельского населения в пределах исследуемой территории, итогом которого стал рост числа новых населенных пунктов. За 20 лет этот прирост составил 43,7 %: количество деревень увеличилось с 400 в 1905 г. до 711¹¹ в 1926 г.

Частично увеличение числа новых деревень связано, видимо, с преобразованием в отдельные поселения частей бывших крупных сел и деревень. В качестве примера приведем Куйтежское общество с центром в д. Куйтежа, в которой отдельных частей по [СНМ 1905] не числилось. Однако прирост населения между 1905 и 1926 гг. на четверть (с 467 человек до 637) и, соответственно, увеличение количества дворов почти в два раза (с 73 до 139) дали шанс бывшим частям Куйтежи¹² выделиться в отдельные поселения, названия которых были отражены в [СНМ 1926].

Прирост населения, обусловленное этим увеличение числа дворовых хозяйств и появление новых хуторов / выселков продолжались до начала 1930-х гг. Первый серьезный удар по системе расселения в регионе был связан с началом политики поэтапной ликвидации кулачества в 1930–1935 гг.¹³, а затем — с репрессиями 1937–1938 гг. Деграция поселенческой системы продолжилась во время Второй мировой войны, в послевоенный период и далее, когда началось упразднение «неперспективных» деревень. На этот процесс влияли в том числе ликвидация колхозов и совхозов и постепенная

¹¹ Рост количества населенных пунктов, в частности хуторов, продолжался вплоть до начала 1930-х гг., однако организация колхозов и начавшееся упразднение небольших населенных пунктов, в том числе в связи со сталинской доктриной «усиления классовой борьбы», не позволило названиям новых поселений проявиться в официальном документообороте. В то же время многие из этих названий были живы в памяти старшего поколения еще в начале XXI в.: *Čiikoilu*, *Semoizenlahti* (Петр.: Вохтозеро); *Hadi*, *Sergoi* (Петр.: Сяпчезеро); *Hermoinhuutor*, *Matinhuutor* (Видл.: Пертозеро); *Konoi*, *Varoi* (Сямоз.: Эльмитозеро); *Tuohizenkylä*, *Vilkane*, *Zaikka* (Петр.: Нелгамозеро); и др.

¹² Три из четырех частей по [СНМ 1926] отмечены в [СНМ 1873: 157], но не как самостоятельные единицы. Они указаны в скобках при д. Куйтежа.

¹³ Согласно [СНМ 1935; АТУЛО 1933], большого снижения числа населенных пунктов на территории проживания карелов-ливвиков на начальном этапе проведения этой политики еще не произошло. В то время здесь насчитывалось 686 поселений, что на 25 статистических единиц меньше в сравнении с данными за 1926 г.

урбанизация карельского населения. В настоящее время в списке населенных мест Республики Карелия на ливвиковских территориях числится 136 населенных пунктов [СОН]; часть из них — поселки, в которых карельское население является меньшинством. В итоге можно констатировать, что самая заселенная часть карелоязычных территорий Карелии утратила к 100-летию юбилею республики более 80 % деревень. Еще более катастрофическая ситуация сложилась в этом отношении на собственно-карельских территориях. На наш взгляд, именно уничтожение традиционной карельской поселенческой структуры стало тем главным фактором, который сделал невозможным полноценное развитие карельского языка в регионе. Карелы — в основном сельское население, и деградация среды традиционного проживания чрезвычайно опасна для этого народа.

3. Расположение поселений на местности

Список населенных мест Олонецкой губернии 1905 г. в числе прочего интересен тем, что в нем приведена информация о расположении поселений на местности. Согласно этой информации, 140 населенных пунктов (35 %) располагались тогда «при реках», 10 (2,5 %) — «при колодцах», а большая часть — «при озерах» (62,5 %). Значительная часть речных поселений находилась в южной части ливвиковского ареала, непосредственно в пределах Олонецкой равнины и прилегающей к ней с запада сопредельной территории бывшего Видлицкого района. Отметим также, что от условной границы к северу от южного побережья Ведлозера по берегам рек располагалось только семь населенных пунктов, и все поселения «при колодцах» тоже были именно здесь [СНМ 1905].

Информация такого рода, впрочем, иногда вызывает вопросы. Например, все деревни бывшего Кондушского общества Неккульской волости упомянуты как расположенные «при реке», хотя каких-либо значимых рек в непосредственной близости от большинства деревень этой волости нет — скорее можно говорить о поселениях «при колодцах». Подобная ситуация отмечается и в некоторых случаях с поселениями «при озерах» — к ним, например, в [СНМ 1905: 54] отнесена расположенная на возвышенности д. Погранкондуши. Возможно, это связано с тем, что деревня находится примерно в 2 км от Ладожского озера, а вылов рыбы в Ладоге, самом крупном пресноводном озере Европы, мог быть тогда важной составляющей промыслового уклада жизни местного населения.

К 1926 г., когда на территории исследуемого региона появился целый ряд новых населенных пунктов, в ойконимии наблюдается увеличение числа

поселений, расположенных на возвышенностях. Некоторые из них находились в непосредственной близости от водоема, некоторые — в лесу, «при колодцах». В табл. 3 приведены данные о количестве поселений, названия которых образованы на основе карельских оронимических терминов *-selgy* (*-сельга*), *-mägi* (*-мяги*), *-vuari* (*-вара*) ‘гора, возвышенность’ и рус. *-гора/-горка*.

Таблица 3

Поселения на возвышенностях по [СНМ 1926]

Район	Сельсовет	<i>-сельга</i>	<i>-гор(к)а</i>	<i>-мяги</i>	<i>-вара</i>	
Видлицкий	Большегорский	2	—	1	—	
	Ведлозерский	3	—	1	—	
	Видлицкий	1	6	—	—	
	Кинелахтский	1	—	—	1	
	Колатсельский	5	—	2	—	
	Кондушский	1	—	2	—	
	Нялмозерский	2	—	1	—	
	Палалахтинский	1	—	—	—	
	Пульчельский	2	—	—	—	
	Тулоцкий	1	4	—	—	
	Олонецкий	Ильинский	—	1	—	—
		Коткозерский	2	1	—	—
Куйтежский		2	2	—	—	
Мегрецкий		—	—	—	—	
Нурмольский		2	1	1	—	
Обжанский		—	1	1	—	
Олонецкий		—	—	—	—	
Рыпушкальский		—	1	—	—	
Саримяжский		2	4	1	—	
Тигверский		3	3	2	1	
Петровский	Туксинский	—	1	—	1	
	Улванский	2	—	—	—	
	Вохтозерский	—	—	—	—	

Окончание табл. 3

Район	Сельсовет	-сельга	-гор(к)а	-мяги	-вара	
Святозерский	Вагвозерский	5	2	—	—	
	Каскеснаволоцкий	5	—	—	—	
	Крошнозерский	—	—	—	—	
Сямозерский	Вешкельский	8	2	1	—	
	Кунгозерский	—	—	1	—	
	Лахтинский	—	1	—	—	
	Савиновский	7	—	—	—	
	Салменицкий	3	—	—	—	
	Сямозерский	—	—	—	—	
	Чалкосельский	4	—	—	—	
	Часовенский	4	—	—	—	
	Лодейнопольский (Олонецкий у.)	Кондушское общество (1905 г.)	—	1	—	—
		Всего: 116	68	31	14	3

По таблице можно видеть, что поселения, названия которых указывают на расположение на возвышенностях, представлены на всей территории ливвиковского ареала. Естественно, что таких деревень было мало на территории Олонецкой равнины, где сами природные условия диктовали выбор других вариантов именования населенных пунктов. В то же время обращает на себя внимание отсутствие подобных названий на самых северных ливвиковских территориях, где в топонимах других классов неоднократно фиксируются орографические термины. Их отсутствие в ойконимии, видимо, свидетельствует о том, что поселения на возвышенностях не были в приоритете у местных карелов-ливвиков. Можно полагать, что обилие на севере ареала (в сравнении с югом) водных объектов, а также практикуемые местным населением формы деятельности, мало связанные с сельским хозяйством, стали теми причинами, которые продолжили давнюю традицию выбора места для основания новых поселений по берегам водоемов.

Наиболее востребованным в ливвиковской ойконимии является орографический термин *-selgy* 'гора, возвышенность'. Этот тип в числе прочего интересен с точки зрения истории освоения ливвиковского ареала, поскольку его, видимо, можно увязывать с сельскохозяйственным освоением водоразделов.

Последнее, судя по данным естественных наук, стало наиболее благоприятным к середине XIX в. в связи с потеплением климата [Орфинский, Гришина 1998: 17–18]. Списки населенных мест конца XIX и начала XX в. отражают поэтапный рост названий поселений на *-сельга*, а также на *-мяги/-мяга*, *-вара*, *-гора* в Олонецкой Карелии. Так, если в [СНМ 1873] их было 83, то [СНМ 1926] фиксирует уже 116 ойконимов данного типа.

Нельзя, впрочем, не отметить, что многие отраженные [СНМ 1873] русскоязычные ойконимы на *-сельга* существовали уже в последней четверти XVIII в., о чем свидетельствуют, например, ревизские сказки 1782 и 1795 гг. и карты генерального межевания. Этот факт, в свою очередь, указывает на то, что появление данной ойконимной модели в официальных документах относится к еще более раннему периоду — видимо, к началу XVIII в. Именно в первой трети этого столетия в официальных источниках появляются названия на *-сельга*, ср. д. *Колад-селга* [РГАДА 1707] (ранее *Колатсалма* [РГАДА 1667]); д. *Ниниселга*, д. *Печина селга* [Клешнин 1734]; и др. В XVI–XVII вв. такой ойконимный тип на официальном уровне не был представлен в регионе¹⁴, хотя в наименованиях возвышенностей, а также при уточнении расположения тех или иных поселений орографический термин *сельга* фиксируется источниками достаточно рано¹⁵. Например, в 1588 г. Важеостровскому монастырю было жаловано место (возвышенность) под названием *Березова сельга* [Мюллер 1948: 408], где, видимо, в XVIII в. появилась одноименная д. *Березовая Сельга* (карел. *Koivuselgy*; территория Тигверского с/с) — она же на карте генерального межевания *Березова гора селги тожь* [Карта ГМ]. Складывается впечатление, что заимствованный русскими из прибалтийско-финских языков орографический термин *сельга*¹⁶ в XVIII в. стал восприниматься как своеобразный номенклатурный термин, указывающий на класс называемого объекта, что дало толчок для его введения в документооборот — главным образом при именовании

¹⁴Ср.: «дер. *Сюхтосельга* на Туломозере» (Олонецкий пог., 1582) [ИК 3: 63]. Спорадически данная ойконимическая модель фиксируется и на территории других погостов Обонежской пятины: «дер. *Салменская селга* на Гук-озере» (Важенский пог.), «дер. *Кягриява селга*» (Шунгский пог.), «дер. на усть Погры, словет на *Нин-селги*» (Важенский пог.), «дер. в *Хежеселге*» (Оштинский пог.), «дер. в *Койже-селги*» (Оштинский пог.) [ПКОП 1563: лл. 87, 96, 149, 227, 233].

¹⁵Ср. на сопредельных территориях: «деревня против *Салмыселги* над озером на Ньюкиеве стороны» (Важенский пог.), «дер. в губе на Нивищах за *Селгою*» (Толвуйский пог.), «дер. в доли Кузнецовская на *селги*» (Шунгский пог.), «дер. на *селге* Мигновщина» (Челможский пог.), «дер. Марфинская на *Вар-селге*» (Водлозерский пог.), «починки на Водлице на *Гадат-селги* и в *Кои-селги*» (Оштинский пог.) [ПКОП, 1563: лл. 88, 142б, 151, 166, 177, 230б, 334]. Возможно, эти примеры указывают на зарождающуюся официальную традицию использования термина *сельга* в документообороте.

¹⁶Ср. рус. олон. *сэ́льга* ‘продолговатая возвышенность, покрытая лесом; подсека или место, расчищенное для посадки хлебов’ [Куликовский 1898: 106].

новых поселений, которые большей частью действительно находились на возвышенностях. Это отразилось и в лексике карельского языка, ср. ливв. *selgy* ‘возвышенность; деревня’ [Кузьмин 2020: 199]. Ср. также случай с д. Пятчила, упомянутой в 1795 г. в форме *Пятчила сельга* [НАРК 1795: 414]: на месте этой деревни, располагавшейся на Олонецкой равнине, никакой «сельги» (возвышенности) нет.

Итак, заметное потепление климата в регионе послужило толчком к освоению карелами нового для них ландшафта с несколько нетрадиционным выбором мест для основания новых поселений. На Олонецкой равнине этому способствовали также значительная плотность населения в старых деревнях и связанная с этим земельная теснота, что давало импульс к сельскохозяйственному освоению возвышенностей в непосредственной близости от коренных поселений, располагавшихся по берегам водоемов. Кроме того, во второй половине XVII в. этот процесс, видимо, поддерживался и притоком православного карельского населения из Приладожья, отошедшего под власть Швеции¹⁷.

Нельзя сказать, что сележных поселений, т. е. поселений на возвышенностях, до начала XVIII в. в регионе не было совсем. Однако напомним, что тогда в их названиях сам термин *-сельга*, вероятно, еще не использовался, по крайней мере в официальном делопроизводстве. На это, в частности, указывают письменные источники XVI–XVII вв., где в карелоязычных наименованиях в качестве детерминанта фиксируется прежде всего синонимичная термину *selgy* (рус. *сельга*) лексема *-mägi* ‘возвышенность; холм, горка’. В официальных русскоязычных названиях этого периода наблюдается либо полный перевод карельского термина, либо его частичная адаптация русским языком, ср.: д. *Большие Горы* (карел. *Suurimägi*; Видл.: Большег.) — док. «...во владычне селце на Горах» [ПКОП 1563: 58]; д. *Кукшегоры* (карел. *Kuukšimägi*; Видл.: Тулокс.) — док. «дер. на Дедове горе на речке на Куксенге» [Там же], «Кукшегорская на Кукше-горе» [РГАДА 1667]; д. *Сярмяга* (карел. *Soarimägi*; Колат.) — док. «Сярмяга на горе» [РГАДА 1629]; д. *Ильинская Горка* (карел. *Kun'oilu / Gorku*; Олон.: Ильин.) — док. «Горка» [РГАДА 1657].

¹⁷Ср. в 1667 г. упоминание о карельских выходцах: «на тое ж Загожье горе от Вохтозера за полверсты на селги Ильюшка да Ивашко Артемьевы дети» [Чернякова 1989: 24]. Отметим, что рассматриваемый термин представлен в шведских источниках 1590–1637 гг. в том числе и в Приладожье, в ойконимии Корельского уезда, прежде всего в его юго-восточной части, где в XVIII–XX вв. проживали носители ливвиковского наречия карельского языка. Ср. названия деревень *Haukan selke*, *Koifwu selke*, *Koiton selke*, *Kokon selke*, *Matka selke*, *Natti selke*, *Ruis selke* [ИК 1: 278–281], *Kauginis Sällgä*, *Koukon Sällgä*, *Sawi Sällgä*, *Sällgä*, *Warba Sällgä* и др. [ИК 3: 233, 348, 350, 424, 445].

В контексте рассмотрения названий поселений, расположенных на возвышенностях, особенно любопытно, что в нескольких случаях в качестве детерминанта выступает географический термин *-vuaru* ‘гора, возвышенность’, который не характерен ни для ливвиковских говоров, ни для ойконимической системы региона в целом, ср.: д. *Леписто-зиму* (карел. *Zimuvuaru*; Пульч.), д. *Нискозеро* (карел. *Niškuzvuaru*; Колат.), д. *Сеннявара* (карел. *Sepänvuaru*; Тигвер.); ср. также название части д. Пертозеро *Pert'(i)vuaru* (вар. *Sel'l'änhieru*; Видл.: Большег.). Появление в ойконимии этого термина связано, видимо, с подселением в ливвиковскую среду собственно-карельского населения, с возможным основанием новых деревень. Это население мигрировало из Приладожья в XVII–XVIII вв., и для него орографический термин *-vuara / -vuaru* был одним из наиболее востребованных при обозначении возвышенных участков местности. Подобные наименования фиксируются источниками уже в первой трети XVIII в., ср. д. *Кукойвара* (карел. *Kukoinvuaru*; Кинелахт.) [Клешнин 1734].

4. Структурные особенности ливвиковской ойконимии

Согласно [СНМ 1926], на исследуемой территории в шести районах насчитывалось 34 сельсовета и более 700 поселений. Обращает на себя внимание то, что лишь небольшая часть названий сельсоветов восходит к наименованиям центральных деревень с отантропонимическими истоками, ср. названия сельсоветов *Нурмольский* (центральная деревня — карел. *Nurtoilu*), *Пульчельский* (*Pul'čoilu*), *Рынушкальский* (*Riiruškäl*), *Савиновский* (*Heččil*), *Тигверский* (*Tihveri*), *Чалкосельский* (*Čalkki*); ? *Куйтежский* (*Kuittine*), ? *Обжанский* (*Piži*), ? *Улванский* (*Ulvani*). По большей части наименования сельсоветов являются вторичными, возникшими в результате метонимии от названия природного объекта, ср. названия сельсоветов *Большегорский* (центральная деревня — карел. *Suurimägi*), *Вохтозерский* (*Vuohtärvi*), *Каскеснаволоцкий* (*Kaskeznemi*), *Мегрэгский* (*Mägriejogi*), *Палалахтинский* (*Palalahti*), *Сямозерский* (*Siämärvi*). Это относится и к именованию гнездовых образований в регионе в целом — значительная часть названий как старых, так и сравнительно молодых поселений гнездового типа указывает на их географическое расположение при природном объекте, ср., например: д. *Kolatselgy* (рус. *Колатсельга*), части — *Nehpoilu*, *Pal'l'al*, *Pohju*, *Radil*, *Suvi*; д. *Kuukšimägi* (*Кукушегоры*), части — *Aččul*, *Čimoilu*, *Döndöily*, *Kanoilu*, *Kiimuselgy*, *Kylänhieru*, *Sillanhieru*, *Terpoilu*, *Veikkoilu*. Есть, конечно, и исключения, ср. название куста деревень *Varloi(lu)* < *Варлам* (рус. *Варлов Лес*), части — *Aket't'i*, *Everkie(ly)*, *Huohpoi*, *Lačču*, *Pekonmägi*, *Puoroi(lu)*, *Tuuttu*. Исследователями замечено, что на тех

территориях, где главное значение в жизни местного населения имели несельскохозяйственные занятия (рыболовство, охота, кузнечное дело, отхожие промыслы), гнездовой тип поселений, объединенных общим названием, в котором закреплялось имя главы патриархальной семьи, не получил широкого распространения [Орфинский, Гришина 2008: 350]. Подчеркнем также, что наибольшее число гнездовых объединений фиксируется в южной части исследуемой территории.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в составе названий целого ряда деревень представлен ойконимный формант *-l/-la/-lu* с локативной семантикой (например, карел. *Šoščoilu, Piippil*, рус. *Падройла, Пеккила*). Все названия данного типа образованы от антропонимов и фиксируются на всей территории проживания карелов-ливвиков, составляя 34 % от общего числа ойконимов (см. табл. 4).

Таблица 4

Типы ойконимов ливвиковского ареала

Район	Отантропонимные ойконимы на <i>-la</i>	Другие отантропонимные ойконимы	Ойконимы от названий природных объектов
Видлицкий	55	55	80
Лодейнопольский	5	10	11
Олонецкий	129	60	68
Петровский	3	2	18
Святозерский	7	24	19
Сямозерский	43	68	62
Всего:	242 (34 %)	211 (29,7 %)	258 (36,3 %)

Согласно этим статистическим данным, наиболее плотно ойконимная модель на *-la* (55 % всех *l*-овых названий) представлена в расширенных пределах Олонецкой равнины (Видлицкий, Лодейнопольский, Олонецкий районы), т. е. на территории юга Карелии, освоенной прибалтийско-финским крестьянским населением раньше всего. Доля всех отантропонимных ойконимов становится еще выше (63,7 %), если учесть названия, производящей основой которых выступает неосложненный суффиксом *-la* антропоним, а также названия с другими ойконимическими формантами.

В их числе, например, прибалтийско-финский посессивный суффикс *-(i)ne*, который, как и *-la*, в топонимии фиксировал наименование жителей

определенного рода или семьи. Эта модель относительно поздняя, о чем свидетельствуют, на наш взгляд, параллельно существующие названия поселений на *-ine* и *-l(u)*, а также их русскоязычные варианты, в которых отражен формант *-ла*, ср.: *Čukkoine* (вар. *Čukkoilu*) — Чуккойла; *Hokkoine* (вар. *Hokkoilu*) — Хоккойла; *Huroine* (вар. *Huroilu*) — Хуройла; *Kolpoine* (вар. *Kolpoilu*) — Колпойла; *Pöhöine* — Погойла; *Sissoine* (вар. *Sissoilu*) — Сиссойла. Ср. также названия деревень *Kard'aine* (вар. *Kard'al*) — Карельская; *Kylyine* — Кюлюсельга; *Logine* — Логинсельга; *Nasanaine* — Насоново; *Utkaine* — Уткина Горá. Все эти поселения, как правило, небольшие и возникли относительно недавно. Это, видимо, говорит о том, что родовые линии большинства их жителей восходят к единому предку, дом которого при основании поселения получал название в рамках модели «имя / патроним / родовое прозвище основателя + *l*-овый формант». Посессивный суффикс *-ine* нередко выступает в составе современных карелоязычных фамилий, ср.: род *Logine* — рус. *Логинов* (*Логинсельга*) (здесь карел. *Logi* ‘Логин’ + суфф. *-ne* > неофициальная фамилия *Logine*), род *Nasa(na)ine* — *Насонов* (*Насоново*), род *Utkaine* — *Гагарин* (*Уткина Гора*) и т. п. Таким образом, по мере разрастания однодворного поселения, населенного родственниками, оно в том числе начинало именоваться в народной среде по роду, объединенному общим родовым прозвищем (позднее фамилией), и уже это именование распространялось на все поселение, постепенно вытесняя утратившую активность к началу XX в. *l*-овую модель. Ср. имя основателя *Гурий* (карел. *Huroi*) > дом *Huroilu* > однодворная деревня *Huroilu* (рус. *Хуройла*) > род жителей *Huroine* > разросшаяся деревня *Huroine*. Как можно думать, официальное русскоязычное название *l*-ового типа поддерживало употребление карелоязычного варианта на *-l(u)* наряду с более поздним и более распространенным в народной среде вариантом на *-ine*.

В числе ойконимических суффиксов региона представлен также патронимический формант *-sto*, выполнявший функцию обозначения коллективности, ср. названия деревень *Akimisto* (21 дом; Савин.), *Gaulisto* (34 дома; Видл.), *Ivanisto* (16 домов; Кунгоз.), *Kormilisto* (35 домов; Пульч.), *Kyulistö* (39 домов; Большег.), *Luazaristo* (7 домов; Вешк.), *Miikhalisto* (12 домов; Ильин.)¹⁸. Эта ойконимическая группа немногочисленна и является относительно поздней в сравнении с большей частью названий на *-la*, о чем свидетельствуют, в частности, этимологически прозрачные производящие основы ойконимов на *-sto*: все эти основы являются карельскими вариантами христианских имен (*Аким*,

¹⁸К этой группе примыкает, видимо, ур. *Kurvisto* (Олон.: Сармяги), на месте которого могла некогда существовать однодворная или малодворная деревня. На отантропонимические истоки данного названия может указывать, на наш взгляд, современная восточнофинская фамилия *Kurvi(nen)*.

Иван, Гаврил, Корнил, Кирилл, Лазарь, Михаил). Наиболее ранними среди названных деревень могут, видимо, быть дд. *Akimisto* (рус. *Акимова*), *Gaulisto* (*Гаврилово*), *Kormilisto* (*Кормилиста*), *Kuulistö* (*Курилово*), которые на фоне других являются крупными поселениями; кроме того, три из них имеют русскоязычные официальные формы, несколько отличающиеся от карелоязычных оригиналов (ср. рус. *Акімова*, *Гаврілово*, *Курілово* — но тождественные карельским наименованиям поздние русскоязычные *Иванисто*, *Кормилиста*, *Лазаристо*, *Михкалисто*).

Что касается функционирования рассматриваемого суффикса в карельской антропонимии, то он использовался главным образом при именовании жителей того или иного дома, ср. в д. Лумбила: дом *Čabil* — жители *čabilisto*, дом *Čakkil* — жители *čakkilisto*, дом *Čihval* — жители *čihvalisto*; в д. Корза: дом *Čirhankodi* — жители *čirhalisto*; в с. Крошнозеро: дом *Buukunkodi* — жители *buukkulisto*; в д. Уялега: дом *Burčankodi* — жители *burčalisto* [NA]. Тем самым можно полагать, что поселения с названиями на *-sto* в ливвиковском ареале представляют собой постепенно разросшиеся родовые однодворные деревни, наименования которых образовались от имен глав патриархальных семей. Остается, правда, неясным, почему в названиях деревень на *-sto* в ливвиковском ареале представлены исключительно формы мужских христианских имен.

В двух вышеприведенных примерах названий жителей (*burčalisto*, *buukkulisto*) обращает на себя внимание наличие элемента *-l-* перед формантом *-sto* (*-li-sto*), хотя в именовании самих домов формант *-la* не представлен. Если в них не фиксируется синонимичный *-sto* суффикс *-listo*¹⁹, это может указывать на былое более широкое бытование *l*-овой модели в именовании домов ливвиковского ареала в относительно недалеком прошлом. Другими словами, хотя сам суффикс *-la* в первой четверти XX в. уже практически вышел из употребления, его следы все еще можно видеть в именовании жителей упомянутых выше домов. Наличие конечного элемента *-listo*, таким образом, позволяет реконструировать в названиях некоторых домов карельский *l*-овый ойконимный суффикс еще в ряде случаев, ср.: дом *Hokkaizenkodi* — жители *hokkhalisto* < **Hokkal* (Сямоз.: Корза); дом *Hupinkodi* — жители *huppilisto* < **Huppil* (Сямоз.: Сямозеро); дом *Ipoinkodi* — жители *ipoilisto* < **Ipoilu* (Сямоз.: Пеньгисельга); дом *Kečinkodi* — жители *keččilisto* < **Keččil* (Олон.: Валойла); дом *Lokankodi* — жители *lokkhalisto* < **Lokkal* (Сямоз.: Курмойла) [NA].

¹⁹ *-listo/-listö* является грамматическим аффиксом, синонимичным аффиксу *-sto*, и обозначает в том числе определенный социальный коллектив, ср. карел. *köyhälistö* ‘бедняки’, *linnalisto* ‘горожане’, *lähelistö* ‘соседи’.

В ливвиковской ойконимии фиксируется еще два названия рассматриваемого типа: дд. *Kangahišto* (рус. *Кангасово*) и *Lepistö* (рус. *Лениста*). В этих случаях непонятно, закрепились ли в данных ойконимах географические термины с собирательным значением, отраженные в ряде примеров в топонимии региона (ср. бол. *Abajistonsuo* (Видл.: Каппа) < *abajisto* ‘участок водоема, где рядом находится несколько участков для вылова рыбы неводом’; уг. *Haučikišto* (Олон.: Березова Гора) < *haučikišto* ‘место с ямами’; бол. *Kivistösuo* (Видл.: Кавгозеро) < *kivistö* ‘место с множеством камней’; уг. *Koivistonniityt* (Сязмоз.: Акимова) < *koivisto* ‘березняк’; и т. п.), или же, как в случае с названием поселения *Mägöveh* (см. ниже), в этих примерах можно видеть указание на вышедшие из употребления апеллятивы **kangahišto* ‘группа населения / жители дома, проживающие вблизи бора’ и **lepistö* ‘группа населения / жители дома, проживающие вблизи ольшаника’.

Несколько реже в карелоязычной ойконимии отражен синонимичный суффиксу *-sto* русский по происхождению формант *-šina* (рус. *-щина*): дд. *Bojarššin* — *Боярщина* (10 домов; Тукс.), *Čisoušin* — *Чусово* (4 дома; Олон.), *Kegaroušin* — *Кегаровщина* (8 домов; Мерп.), *Knäššin* — *Княщина* (52 дома; Видл.). Топонимические данные свидетельствуют о том, что эта ойконимическая модель представлена только на карелоязычных территориях юга современной Карелии. Кроме того, целая группа русскоязычных названий деревень на *-щина* фиксируется на самом юге ливвиковского ареала, в Лодейнопольском районе Ленинградской области: дд. *Андрéевщина* — карел. *Troškenhieru*; *Ждановщина* / *Жданово* — карел. *Ždiananhieru*; *Рютевщина* — карел. *Rutynehieru*; *Сегловщина* (совр. *Подол*) — карел. *Alango*; *Терговщина* — карел. *Vas'(i)kanhieru*.

По наблюдениям Г. Я. Симиной, в древненовгородской географической номенклатуре этого структурного типа практически не было, следовательно, он был привнесен на северо-запад России из Московских земель [Симина 1980: 31–32], т. е. после завоевания Новгорода Москвой в 1478 г. Данная модель представлена в документах XVI–XVIII вв. и на русскоязычных территориях Карелии, в частности в Заонежье, в местах с хорошо развитым сельским хозяйством и достаточно большой концентрацией населения. На этих землях она использовалась при именовании однодворных или малодворных поселений; суффикс же первоначально указывал, видимо, на совокупность жителей, объединенных родовыми узами [Кузьмин 2003: 64, 66]. Подобное можно видеть на территории карелов-людиков в карелоязычных родовых именовании, соответствующих современным официальным фамилиям, ср. в д. Шушки Кондопожского района: *Dianoušin* — *Дианов*; *Filatoušin* — *Филатов*; *Luazaroušin* — *Лазаров*; *Omel'koušin* — *Омелькин*; и т. п. [НТК].

Относительно Кондушского общества отметим, что в Экономическом камеральном примечании конца XVIII в. указано, что земли под поселениями *Андреевское* (вар. *Андреевщина*) и *Краскова* с усадьбами и угодьями принадлежали ранее Новгородскому архиерейскому дому [РГАДА 1791: л. 6–6 об]. Возможно, результатом этого землевладения и стало появление в кондушском кусте деревень модели именования населенных пунктов на *-щина*. При этом, будучи представленной на официальном уровне, в народную карелоязычную ойконимию модель по какой-то причине здесь не проникла, хотя она есть в местных названиях сельскохозяйственных угодий *Artoušin*, *Bojaršinanpeldo*, *Kalinoušin*, *Makaroušin*, *Os'oušin*, *Popoušinanniitto*, ср. также русскоязычные названия *Ерховщина* и *Ивановщина*. Можно предполагать, что названия упомянутых сельхозугодий были ранее наименованиями запустевших однодворных или малодворных деревень.

На территории современной Карелии два ойконима (*Čusoušin*²⁰ и *Kegaroušin*) относятся, подобно названиям кондушских деревень, к группе, в которой суффикс *-щина* маркировал первоначально место жительства представителей одного рода. Два других — дд. *Bojarššin* и *Knäššin*²¹ — составляют, видимо, иную группу, указывая на имущественную составляющую или наследственное право (земельная собственность с деревнями, унаследованная князем / боярином или принадлежавшая ему). Вероятно, две упомянутые деревни существовали уже в новгородское время и принадлежали новгородским феодалам — позднее они были включены новой властью в документооборот Московского государства, и при их именовании оказалась востребованной новая «московская» адаптационная ойконимная модель на *-щина*.

Почти не используемым оказался в среде карелов-ливвиков ойконимный формант *-veh*, восходящий к омонимичному апеллятивному суффиксу с «коллективным» значением. В карельском языке он, подобно суффиксу *-sto* с собирательной семантикой, используется для обозначения жителей определенного населенного пункта или местности, ср. *alapuoloveh* '(население), живущее ниже по течению', *loginselgöveh* 'жители деревни Логинсельга'. Тем самым карелоязычное название д. *Нильгина Гора* — *Mägöveh* — может восходить к соответствующему апеллятиву *mägöveh* (< *mägi* 'гора' + *-veh*) со значением 'совокупность жителей, живущих на горе'; ср. также *Hieroveh* — название части д. Воронова Сельга. Формант *-veh* представлен и в названии

²⁰Основателем поселения мог быть неоднократно упоминаемый в актах второй половины XVII в. подрядчик *Андрей Иванов сын Чюсов* или кто-либо из его предков / потомков. В середине XVII в. Андрей являлся одним из самых значительных лиц Олонецкого посада [Мюллер 1948: 408].

²¹Ср. также название поля *Bojaršinanpeldo* в д. Кондуши (вар. *Андреевщина*) совр. Ленинградской области.

р. *Buolovehjogi* в окрестностях ливвиковской д. Торосозеро, однако утраченная в настоящее время лексема **buoloveh* может быть в данном случае синонимичной современному географическому термину *buolužikko* ‘брусничник’.

В ойконимии Олонецкой Карелии отражен еще один аффикс, также не получивший большого распространения, ср. вариант названия трехдворной д. *Kylyizet* (вар. *Kylyine*, рус. *Кюлюсельга*; Часов.). Как и в предыдущих случаях, суффикс *-t*, восходящий к показателю множественного числа, перешел сначала в разряд антропонимных формантов с семантикой «коллективности», т. е. стал использоваться в локальной среде для обозначения коллектива родственников однодворной деревни с родовым прозвищем *Kylyine* (рус. *Кюлюевы*). Позднее, с разрастанием поселения, произошел, видимо, переход коллективного имени *kylyizet* ‘жители Кюлюевы’ в топонимию, вследствие чего возник ойконим *Kylyizet*. Это молодое название, на что, в частности, указывают незначительные размеры поселения. Возможно, ойконимов подобного типа в ливвиковском ареале было несколько больше, но они не сохранились до настоящего времени. Об этом говорит ряд названий хуторов, не зафиксированных [СНМ 1905; 1926], но известных старшему поколению жителей ряда карельских населенных пунктов. Ср. хут. *Hongat* (рус. *Сосновки*; Видл.: Верхняя Видлица); *Marttinat* (рус. *Чиркасламби*, все жители — *Мартыновы*; Сямоз.: Олёкка); *Sildoizet* (рус. *У Мосту*; Тулокс.: Кукшегоры).

В самой южной части ливвиковского ареала (Лодейн.) единичной фиксацией представлен формант *-ои*, являющийся результатом карелоязычной адаптации русского посессивного ойконимного суффикса *-ово/-ево*: д. *Zubrou* (рус. *Филипповская*). Подобные формы на *-ои* известны в ряде названий вепсских поселений, ср.: *Voçoi* — *Бочево*; *Kalinou* — *Калиново*; *Puzou* — *Пузово*; *Totorou* — *Татарово* [Муллонен 1994: 82]. Форма *Zubrou* стала, видимо, результатом освоения карельским языком утраченного ныне русскоязычного названия **Зубарево* (ср. *Филиповская*, *Зуброва* [СНМ 1873: 154]), в основе которого лежит русское нехристианское имя *Зубарь* [Тупиков 1903: 163]: имя / прозвище основателя *Зубарь* (карел. **Zubari*²²) > д. *Зубарево* (карел. **Zubar'ova*) > *Zubrouvi* (рус. *Зуброва*) > *Zubrou*.

Формант *-ово* неоднократно зафиксирован в официальных русскоязычных названиях на территории проживания карелов-ливвиков: *Ачукóво*, *Балагúрово*, *Большакóво*, *Винокúрово*, *Зубакóво*, *Марты́ново*, *Ойнасово* и др. Однако лишь в единственном случае эта модель представлена в карельской ойконимии в адаптированном виде, хотя на территории Кондушского сельсовета

²²Для прояснения мотива номинации можно обратить внимание также на лексему *zubari* ‘грубиян’, фиксирующуюся в языке карелов-людигов [ПМА].

есть еще целый ряд названий деревень рассматриваемого типа: *Жданово* — *Ždiananhieru*, *Климово* — *Kliimul*, *Красково* — *Kraskel(anhieru)*, *Лутково* — *Lutil*, *Оглодово* — *Ristanhieru*, *Поново* — *Šurpu*, *Трошково* — *Troškenhieru*. Тем самым в данной зоне можно было бы ожидать появления и других ойконимов с формантом *-ou*, однако этого не произошло, причины чего пока неясны.

В контексте сказанного также обратим внимание на то, что в составе соседнего с Кондушами поселения Самбатукса Олонецкого района в 1926 г. фиксировались параллельно бытовавшие именованья *Чикоева Гора* и *Чийковойхиеру* (карел. *Šiikoikaivo*, вар. *T'iikoikaivo*). Русскоязычная форма *Чийковойхиеру* местному населению в наши дни неизвестна, однако, как и в предыдущем случае, в ней можно видеть карелоязычную адаптацию русской посессивной модели на *-ова* с помощью форманта *-oi*: **Чикова* > **Šiikovi* (> *Чикоева*). Другие подобные случаи в ойконимии карелов-ливвиков не зафиксированы.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что для карельской ойконимии очень характерны простые по структуре наименования поселений. В этой группе представлены, с одной стороны, суффиксально оформленные ойконимы, а с другой стороны — непроизводные односоставные наименования, восходящие к антропонимам. Среди последних есть как (родовые) прозвища и прибалтийско-финские нехристианские имена, в частности бытового характера, так и личные имена, восходящие к церковному именованию, — см. табл. 5.

Таблица 5

Простые по структуре ойконимы ливвиковского ареала

1. Некалендарные имена		
Ойконим (д.)	Исходное имя / прозвище	Буквальное значение имени / прозвища и его языковые истоки
<i>Hal'l'oi</i>	<i>Hal'l'oi</i>	‘седой, седеющий’ (приб.-фин.)
<i>Härmi</i>	<i>Härmi</i>	‘надменный, горделивый’ (приб.-фин.)
<i>Karhii</i>	<i>Karhie / Karhii</i>	‘неспособный, непригодный’ (приб.-фин.)
<i>Kuikku</i>	<i>Kuikku</i>	‘(постоянно) голодный’ (приб.-фин.)
<i>Motouku</i>	<i>Motouku</i>	‘баламут’ (рус.)
<i>Mörgöi</i>	<i>Mörgö(i)</i>	‘бука’, ‘непослушный’ (приб.-фин.)
<i>Padaniekku</i>	<i>Padaniekku</i>	‘гончар’ (приб.-фин.)
<i>Rezkoï</i>	<i>Rezkoï</i>	‘низкорослый’, ‘худосочный’ (приб.-фин.)
<i>Rytty</i>	<i>Rytty</i>	‘негодник’, ‘отрепье’ (приб.-фин.)
<i>Šegali</i>	<i>Šegali / Šogoli</i>	‘щеголь, франт, хлыщ’ (рус.)

Окончание табл. 5

Ойконим (д.)	Исходное имя / прозвище	Буквальное значение имени / прозвища и его языковые истоки
<i>Tihveri</i>	<i>Tihveri</i>	‘строгий (о надзоре)’ (приб.-фин.)
<i>Tykkü</i>	<i>Tykkü</i>	‘тучный человек’ (приб.-фин.)
2. Календарные христианские имена		
Ойконим (д.)	Исходная форма имени	Канонический вариант имени
<i>Abroi</i>	<i>Abroi</i>	<i>Абрам</i>
<i>Aketti</i>	<i>Aketti</i>	<i>Акентий (Авксентий)</i>
<i>Akiman Iivan</i>	<i>Akiman Iivan</i>	<i>Иван Акимович</i>
<i>Everkie</i>	<i>Everkie</i>	<i>Аверкий (Аверьян)</i>
<i>Fekli</i>	<i>Fekli</i>	<i>Феклист</i>
<i>Kiirily</i>	<i>Kiirily</i>	<i>Кирилл</i>
<i>Onofri</i>	<i>Onfri</i>	<i>Ануфрий</i>
<i>Ort'oi</i>	<i>Ort'oi</i>	<i>Артемий</i>
<i>Pekki</i>	<i>Pekki</i>	<i>Петр</i>
<i>Pol'u</i>	<i>Pol'u</i>	<i>Ипполит</i>
<i>Teppan</i>	<i>Teppan(u)</i>	<i>Степан</i>
<i>Teru</i>	<i>Teru</i>	<i>Терентий</i>

Среди отантропонимных названий поселений региона представлены также сложные по структуре ойконимы. Они включают детерминант, указывающий на вид называемого объекта (*koski* ‘порог’, *mägi* ‘горка’, *niemi* ‘наволок’ и др.), и определяющий его атрибут, для которого характерна генитивная форма антропонима с посессивной нагрузкой, ср.: *Kuarpanmägi* — *Карпина Гора* (Тулокс.) (< *Kuarppu* — *Карп*); *Kuuroinmägi* — *Кюреймяги* (Нялмоз.) (< *Kuuroi* — *Кирилл*); *Pan'n'inselgy* — *Паннисельга* (Кинелахт.) (< *Pan'n'i* — *Панфил*); *Teroinniemi* — *Степаннаволок* (Коткоз.) (< *Teroi* — *Степан*); *Kudžoinmägi* — *Кучой* (Пульч.) (< *kudžoi* ‘шустрый; торопыга; бран. чертяка’); *Kurrenselgy* — *Журавлёва Горá* (Саримяж.) (< *kurgi* ‘тощий, с тонкими ногами’); *Papinniemi* — *Дьячкова Горá* (Видл.) (< *rappi* ‘поп’); *Rikinkoski* — *Рикинкоски* (Большег.) (< *rikki* ‘вспыльчивый’); *Sepänmägi* — *Сепанмяги* (Ведлоз.) (< *seppu* ‘кузнец’); и т. п.

Отметим, что в ойконимии нередко фиксируются случаи употребления одного и того же (карелоязычного) названия как в двухкомпонентной, так и в однокомпонентной форме. Последняя является результатом эллиптического

развития, когда первоначально сложный отантропонимический ойконим утрачивает детерминант²³, указывающий на место расположения населенного пункта, ср.: *Šalkki* — *Šalkinselgy* — Чалкосельга; *Kančči* — *Kančinselgy* — Канчинсельга (Чалкос.); *Jouhki* — **Jouhkinselgy* — Ефимова Сельга (Савин.); *Kibru* — **Kibranniemi* — Кибринаволок (Ведлоз.); *Kuikku* — *Kuikanniemi* — Куйкиннаволок (Нялмоз.); *Kylyine* — *Kyly(n)selgy* — Кюлюсельга (Часов.); *Logine* — *Loginselgy* — Логинсельга (Вешк.); *Riekku* — *Riekinselgy* — Риекунсельга (Колат.); и др. Вероятно, подобный эллипсис обусловлен тенденцией к упрощению названий в разговорных ситуациях, когда всем участникам понятно, о каких населенных пунктах идет речь.

Фиксируются случаи, когда карелоязычные и официальные русскоязычные названия вообще не совпадают. Особенно часто это отмечается в наименованиях новых или относительно новых деревень и хуторов, ср.: *Griišu* — *Мурдосельга*, *Niemen Peša* — *Калаярви*, *Rezkoï* — *Калаярви* (Колат.); *Harloi* — *Компо-озеро* (Чалкос.); *Hattu* — *Каменный Ручей*, *Herranselgy* — *Малые Сельги* (Улван.); *Horošoi* — *Афанасьева Горá*, *Ol'ki* — *Сигозеро* (Вагвоз.); *Il'gal* — *Новая Кондусельга* (Нялмоз.); *Ipatti* — *Средний Ручей* (Обж.); *Kanzoi* — *Афанасьево Озеро*, *Pekki* — *Вехтозеро / Феофаново*, *Tiihoinselgy* — *Новая Заживка* (Коткоз.); *Kekšoi(lu)* — *Пертисельга*, *Zil'čoi* — *Новинка* (Нурмол.); *Valgei-Vas'oi* — *Речная Сельга* (Куйтеж.); и др. Как можно видеть, в подобных случаях довольно часто карелоязычное название указывает на имя / прозвище основателя поселения, а русскоязычное — на географический объект, на котором или вблизи которого поселение располагалось. В то же время встречается и обратная ситуация, ср.: *Reduine* (карел. *redu* 'грязь') — *Федоров Наволок* (Улван.); *Ristanhieru* (карел. *ristu* 'крест') — *Оглодово*, *Syrd'anhieru* (карел. *syrd'u* 'сторона, бок; возвышенность вытянутой формы') — *Чурова Горá* (Кондуш.); *Suurihieru* (карел. *suurihieru* 'большая деревня') — *Финистово* (Обж.).

В ойконимии региона есть несколько примеров, когда два отантропонимических названия (карельское и русскоязычное официальное) восходят к разным антропонимам, ср.: *Pekki* — *Феофаново / Вехтозеро* (Коткоз.), *Vas'ikanhieru* — *Терговицина / Васикино*, *Zubrovanhieru* — *Филипповская* (Кондуш.). За подобными фактами может стоять затухание более старого поселения и появление через недолгое время на его месте нового, основанного представителем другого рода или поколения. При этом старое отантропонимическое наименование сохраняется, а новое фиксируется в дополнение к нему. В одном из приведенных случаев можно также видеть, что новое название — *Васикино* — является

²³К непроемным относятся также эллиптические названия, утратившие атрибутивный элемент: ср., например, ойконимы *D'ärvi* = *Kaukoid'ärvi* (рус. *Кавгозеро*), *Jogi* = *Yläjogi* (*Улялега*).

адаптированной русским языком формой карелоязычного названия, используемой во время переписи.

Исследователями замечено [см., например: Муллонен 2022: 572], что начиная со второй половины XIX в. количество русскоязычных ойконимов, в основе которых лежали местные народные формы, постепенно увеличивалось, по крайней мере на северо-западе современной России. Предполагается, что за этой новой тенденцией стоит невыявленный пока официальный указ / документ, позволивший проявиться в документообороте формам традиционных народных названий, которые использовались как прибалтийскими финнами (карелами, вепсами), так и русским населением, ср.: *Herranselgy* (вар. *Pieniselgy*) — *Малые Сельги, Геранъсельги* (Улван.); *Randu* (вар. *Āikoikaivo*) — *Чикоева Гора, Чийковойихуеру, Ранду* (Куйтеж.); *Takkul* (вар. *Timokki*) — *Таккула, Тимокка* (Тулокс.) [СНМ 1873: 144, СНМ 1926: 74, 81]; и т. п.

Кроме того, закрепление двух разных названий в качестве наименования одного поселения могло указывать на срастание / слияние двух соседних населенных пунктов. При этом оба названия фиксируются списками населенных мест, хотя одно из них является более употребительным в народной среде, а второе постепенно вытесняется и уходит на второй план, ср.: карел. *Āimoimägi* (вар. *Triššul*) — рус. *Чимоева Гора, Тришкулы* (Видл.); *Ihakkal* (вар. *Kiidžal*) — *Ихагкала, Кижала* (Палалахт.); *Kärbäl* (вар. *Kinni*) — *Кярбяла, Кинни* (Ильин.); *Suvi* (вар. *Nehpoilu*) — *Нехпойла, Суви* (Колат.); *Villal* (часть *Viaččoilanagju*) — *Виллалы, Вотчейла* (Коткоз.).

В заключение данного раздела отметим, что поселения исследуемой территории, получившие названия по природному объекту в результате метонимии, составляют 36,3 % (258 населенных пунктов), или чуть больше трети от общего числа поселений. К этой группе относится, в частности, бо́льшая часть кустов поселений и наименований бывших волостных центров и центров сельских обществ. В то же время в группе велико и количество малодворных поселений и хуторов, ср.: *Hongat* — *Хонги, Jovensuu* — *Речное Устье / Устьевая, Kavaino* (**Kaivando*) — *Кавайно, Kin'alahti* — *Кинелахта, Koivuniemi* — *Березовый Наволок, Kolatselgy* — *Колатсельга, Niškuzvuuru* — *Нискозеро, Ruo(go)koski* — *Рогокоски, Salosuuri* — *Салоостров, Suurimägi* — *Большие Горы, Videl(e)* — *Видлица, Suvenhaudu* — *Сувенхауду* (Видл.); *Alaladvi* — *Нижняя Ладва, Hoilambi* — *Хойламба, Kangas* — *Набор, Kotkatjärvi* — *Коткозеро, Levendys* — *Левендукса, Liete* — *Пески, Mägrjänjogi* — *Мегрега, Salmi* — *Сальма, Sammatus* — *Самбатукса, Syrju* — *Сюрьга* (Олон.); *Kaunizpeldo* — *Ясная Поляна, Kivirandu* — *Каменный Берег, Mulduselgy* — *Мулдусельга, Savilačči* — *Савиладчу, Siämärvi* — *Сямозеро* (Сямоз.); *Alango* — *Подол*

(Лодейн.); *Huabujärvi* — *Габозеро* (Святоз.); *Säpsärvi* — *Сянчезеро* (Петр.); *Vuohjärvi* (Вохтоз.); и др.

Поскольку Карелия — озерный и речной край, многие ойконимы данной группы связаны с водными объектами (озера, реки, ручьи, заливы, острова, пороги и т. п.), в меньшей степени — с возвышенными участками рельефа. При этом названия второго типа являются, как правило, более поздними (см. выше).

5. Типы сельских поселений в ойконимии карелов-ливвиков

На территории бытования ливвиковского наречия для обозначения понятия «деревня» используются два основных термина: *kylä* и *hieru* (вар. *hiaru*, *hiero*), ср.: дд. *Heikinkylä* (Святоз.: Спиридоннаволок), *Jemoizenkylä* (Петр.: Титнаволок), *Lahtenkylä* (Святоз.: Вагвозеро), *Niemenkylä* (Видл.: Рожьнаволок), *Pohjankylä* (Лодейн.: Кондуши); *Hieru* (Видл.: Рожьнаволок), *Hörpölänhieru* (Олон.: Герпеля), *Issainhieru* (Олон.: Куйтежи), *Keskihiaru* (Олон.: Судалица), *Motovkanhieruine* (Видл.: Мотовка), *Mägrienhieru* (Олон.: Мегрега), *Pogostanhiero* (Лодейн.: Кондуши).

Первая из упомянутых лексем является общим для всех прибалтийско-финских языков ойконимическим термином — она фиксируется и в пределах всего ареала расселения карелов-ливвиков. **Hieru** имеет более ограниченный ареал бытования, локализованный в южной части региона. Частотность употребления этого термина сходит на нет по мере продвижения с территории Олонецкого района на север и северо-запад. Например, в Тулмозерском кусте поселений и в северноливвиковских говорах слово практически не употребляется, за исключением спорадических фиксаций в Сямозерье [KKS]. Эта ареальная особенность находит отражение и в топонимии. Термин *hieru* представлен в ойконимии современного Олонецкого района и южной части Пряжинского района, включая окрестности Ведлозера. К северу от последнего, а также в Тулмозерье в названиях поселений представлен исключительно термин *kylä*. Несмотря на менее широкий ареал, названий с детерминантом *-hieru* в ойконимии все же несколько больше, чем с детерминантом *-kylä*, что связано с количественным преобладанием населенных пунктов в современном Олонецком районе в целом. Ограниченно термин *hieru* фиксируется также в говорах и топонимии собственно-карельского населения бывших Поросозерской и Паданской волостей [KKS], граничивших с ливвиковскими территориями с севера: ср., например, ойконим *Šuvenhieru* (Сегоз.: Сельги).

В основе термина *hieru* лежит, видимо, вепс. *here* ‘навоз’, ср. северновепсский сельскохозяйственный термин *herema* ‘унавоженное поле под паром’. Подобное развитие наблюдается на сопредельных русских территориях,

ср. рус. *позём* ‘навоз’, ‘поселение’: тем самым термин *hieru* может быть калькой русского географического термина [Захарова, Муллонен 2019: 675–676]. Остается не вполне понятным бытование термина у собственно-карелов: является ли оно отголоском былого расселения древних вепсов и их дальнейшей карелизации в конце эпохи Средневековья (рубеж XV–XVI вв.) на территории Южного Сегозерья²⁴ или же появление термина стало результатом языкового и культурного контактирования, приведшего к усвоению собственно-карельским населением от проживавших южнее и более «продвинутых» в сельскохозяйственном плане (карелизирующихся) вепсов новой техники возделывания пашни и, соответственно, нового термина.

Термин *hieru* появился значительно позднее синонимичного термина *kylä*, который, как отмечалось выше, фиксируется на всей прибалтийско-финской территории. Видимо, на ранних этапах истории ливвиковского ареала ойконимический термин *kylä* обозначал в сравнении с *hieru* более крупное поселение (в том числе группу деревень): ср., например, *Kylänhieru* — название части г. Олонец. Позднее, однако, разрастание многочисленных малодворных деревень Олонецкой равнины и освоение новых территорий выходцами из этих деревень привело к вытеснению старого термина новым, что в настоящее время отражено как в топонимии, так и в лексике. Возможно, именно на Олонецкой равнине термин *hieru* появился в среде позднесредневекового (карелизирующегося) вепского населения, которое в значительной степени было связано с сельским хозяйством — в сравнении, например, с карельским населением того же времени. Севернее же ограниченное распространение термина может указывать на преобладание промыслово ориентированного уклада жизни деревень современного ливвиковского ареала. Не исключено также, что на севере спорадические фиксации лексемы *hieru* являются свидетельством более значительного притока в среду постепенно карелизирующихся вепсов собственно-карельского населения из Приладожья на рубеже Средних веков и Нового времени. Это, как мы предполагаем, могло дать «вторую жизнь» более старому термину *kylä*, который был обычным для приладожских карелов, в то время как вепсский по происхождению термин *hieru* был им незнаком.

Термин *kylä* (*kyläine*) используется в современном карельском языке как в значении ‘многодворная деревня’, так и в значениях ‘одnodворная деревня’, ‘хутор’. В то же время для наименования хуторов использовалась также лексема *kondu* ‘крестьянский двор; хозяйство; земельные угодья или участок’.

²⁴Ср. в топонимии д. Сельги: оз. *Vepsänlambi* < карел. *vepsä* ‘вепс; вепсский’ и возв. *Paltienvuara* < вепс., ливв. *palte* ‘склон, косогор’; в с. Паданы: уг. *Päiväpalte*; в д. Евгора: зал. *Kuaranlakši* (рус. *Капа-зуба*) < вепс. *kar(a)*, люд. *kuar(a)* ‘залив’.

В современной ойконимии региона этот термин представлен несколькими фиксациями: дд. *Kondu* (Петр.: Мярндукса), *Konduselgy* (Олон.: Кондусельга), *Konnunhieru* (Лодейн.: Кондуши), *Rajakondu* (Видл.: Погранкондуши), *Ristikondu* (Олон.: Ристаконда), *Sroičankondu* (Лодейн.: Старая Слобода). Не исключено, что следы его бывшего более широкого бытования отражены в названиях ряда современных географических объектов на исследуемой территории, прежде всего сельскохозяйственных, ср.: уг. *Iivoikondu*, *Mikankondu* (Сямоз.: Вешкелицы), уг. *Kalankondu* (Святоз.: Матчезеро), уг. *Kondu* (Видл.: Палалахта), уг. *Konduine* (Святоз.: Воронова Сельга), зал. *Ravankondu* (Видл.: Колатсельга), уг. *Uzikondu* (Видл.: Куккозеро, Хлевनावолок, Большие Горы), а также поселение *Zimakankondu* в Финляндии (Салм.: Салми), где живут карелы-ливвики.

Возможно, именно лексема *uuzikondu* соответствовала ранее русским официальным ойконимическим терминам (*новая*) *зажівка* и *новінка*, которые обозначали новое малодворное поселение на фоне более старых. В официальной русскоязычной топонимии ливвиковского ареала эти термины также представлены, но карелоязычные варианты названий с ними совсем не связаны, ср.: рус. *Новая Зажівка* — карел. *Lemijärvi*, *Новая Зажівка* — *Tiihoinselgy*, *Новінка* — *Žil'čoi* (Олон.); *Новая Зажівка* — *Ananei* (Сямоз.), *Новая Зажівка* — *Mättähänhieru* (Видл.). Кроме того, русский термин *новинка* мог, видимо, соответствовать и карельскому *uuzihieru*, *uuzikylä* ‘новинка, недавно появившаяся деревня’, ср. ойконимы *Uuzihieru* (Видл.: Тулокс.), *Uuzikylä* (Олон.: Новая Деревня). Все вышеперечисленные деревни появились относительно недавно, о чем свидетельствуют их сравнительно небольшие размеры. Для поселения *Новинка* (карел. *Žil'čoi*) в настоящее время используется также заимствованный из русского языка поздний вариант названия *Novinku*.

В ойконимии региона отражен, видимо, еще один термин, обозначающий однодворное или малодворное поселение — **moiživo*²⁵, ср. н. п. *Moiživo*,

²⁵В начале XVII в. термин *moisio* (**moiživo*) неоднократно зафиксирован в шведоязычной переписной книге Корельского уезда 1618 г.: ур. *Hilipanmoisio*, возв. *Moisiomäki*, ур. *Temonmoisio*, ур. *Tijanmoisio*, ур. *Watzinmoisio* [ИК 1: 317, 319, 335, 393]; ср. также подобные рассматриваемым фин. *moisio* и карел. **moiživo* формы других географических терминов: *perkiö* — *pergivö*, *raunio* — *raunivo*, *vainio* — *vainivo*. В Олонецкой Карелии топоним пор. *Мойжевский* (карел. *Moiživonkoski*) зафиксирован в одном из документов 1572 г. [МПИК: 215]. Отметим, что название д. *Мойживо* имеет вариант *Мойжевицы* (*Мойжевичи* в 1563 г.), а ойконимический формант *-ичи* (*-ицы*) указывает, как правило, на то, что в основе топонима лежит антропоним (**Moiže-la* > *Moiže-evo* > *Moižev-ицы*). В данном случае форма *Мойживо* / *Мойжево* может быть несколько старше формы на *-ицы*, о чем свидетельствует наличие элемента *-в-* перед указанным выше формантом. Можно, таким образом, предположить, что, не являясь первоначально отантропонимным, название *Мойживо* / *Мойжево* было по аналогии включено переписчиками в многочисленный ряд официальных отантропонимных ойконимов на *-ицы*/*-ичи* окрестностей Олонца, за которыми скрываются

пор. *Moiživonkoski* (Олон.: Капшойла). В современном карельском языке эта лексема утрачена, однако фиксируется в финском и эстонском языках, ср. фин. *moisio* ‘новина, огороженный участок или расчищенная поляна посреди леса’, эст. *mõis* ‘отдельно стоящая усадьба с хозяйством, поместье, хутор’. Термин был усвоен из прибалтийско-финских языков в русские говоры северо-запада России, ср. *мыза* арх., влг. ‘небольшое поселение (1–3 дома)’, ‘сад на берегу’, ‘сосновая роща’, ‘покос у реки’ [СГРС 7: 376], петерб. ‘дача, отдельный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка’ [Даль 3: 371]. Можно предположить, что последнее из упомянутых значений было ранее в карельском языке у лексемы **moiživo*, ср. рус. *заимка* ‘название поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий’ [БЭС: 407].

Значительно более поздним в сравнении с **moiživo* и восходящим уже к рус. *мыза* может являться реконструируемый на основе топонимических данных термин **muiza* / **muizu*, ср. оз. *Muizarvi* (Видл.: Ведлозеро) и вариант названия д. Верхняя Еройла — *Мызина* [СНМ 1873: 150]. На это указывает, в частности, фонетический облик лексемы, отразивший переход рус. *ы* > карел. *ui*. Следы возможного более широкого бытования термина фиксируются также у карелов-людиков, ср. название пор. *Muizakoski* (Прионеж.: Виданы), и у северных вепсов в Карелии — ср. название ур. *Muiz* (Шелт.). Свои *мызы* были (и до сих пор есть) также в Ленинградской, Архангельской, Вологодской и Костромской областях, где многие из них являлись малодворными частями поселения или хуторами, находившимися в стороне, на краю основного поселения [КТЭ]. Одна из *мыз* официально фиксируется на самом юге бывшей Олонецкой губернии, в Лодейнопольском уезде: *мыза* Александрино (один двор) [СНМ 1873: 118]. Не исключено, что *мызы*-хутора в свое время существовали также в южной части Сегозерья и у карелов-людиков в окрестностях Мунозера, о чем свидетельствуют официальные и неофициальные фамилии местного карельского населения *Muižane* — *Мызин* (Сегоз.: Кармасельга) и *Мызиев* (Петр.: Спасская Губа).

прибалтийско-финские названия поселений с ойконимным суффиксом *-la* (ср., например, рус. д. *Салменицы* — карел. *Salmennišku* «Начало пролива»). Не исключено также, что подселение или же основание карельскими выходцами из Приладожья нового поселения на месте старого могло стать причиной соотношения непонятого, но созвучного русскоязычного названия *Мойжево* с карельским ойконимическим термином *moiživo* ‘заимка; новина’ > *Moiživo* / *Мойживо*. Таким образом, речь может идти об омонимичных основах, которые закрепились в двух вариантах названия одного и того же поселения: (вепсский) антропоним **Moiže* (> **Moižela* / *Мойжево* / *Мойжевичи*) и карелоязычный географический термин *moiživo* ‘заимка; новина’.

Можно предполагать, что одновременно с ойконимическим термином *мыза* на карелоязычные территории проник синонимичный термин *хутор* ‘сельское поселение (одnodворное, позднее многодворное) при освоении новых земель; обособленный земельный участок с усадьбой владельца’ > карел. *huutor(u)*, который стал активно использоваться карелами, ср. хут. *Naabusyrd’änhuutor* (Видл.: Кавгозеро), *Hermoinhuutor* (Видл.: Пертозеро), *Kangahanhuutor* (Сямоз.: Большая Руга), *Torahuutor* (Олон.: Куйтежи); и др. Оба термина — *мыза* и *хутор* — достаточно поздние, проникшие в Карелию и карельский язык, видимо, только в XIX в. Пока остается невыясненным, что стало причиной вытеснения северо-западного термина *мыза* и, соответственно, закрепления синонимичного более южного ойконимического термина *хутор*.

Еще одним локальным новшеством (эндемиком) является представленный в топонимии ливвиковского ареала ойконимический термин **tula* ‘новое поселение; хутор’. Словари карельского языка эту лексему не фиксируют. Возможно, местный термин **tula* восходит к глаголу *tulla* ‘приходить, появляться’. Он используется в наименованиях вновь появившихся хуторов в окрестностях двух соседних деревень на юго-западе ливвиковского ареала: *D’aakointula* (Видл.: Кавайно) и *Teppointula* (Видл.: Кавгозеро); ср. также уг. *Niizointula* (Видл.: Кавгозеро).

Единичными терминами, обозначающими хутор, в исследуемом ареале являются лексемы *taloj*, *kodj*²⁶ и *perti* ‘дом / изба’ → ‘одnodворный хутор, появившийся в стороне от основного поселения’, ср.: *Hökintaloj* (Ведлоз.: Заячья Сельга), карел. *Ossipantaloj* — рус. *Осиновой* (Олон.: Олонец), карел. *Ul’l’antaloi* — рус. *Ульянка* (Ведлоз.: Юргилица); *Mättähänkodi* (Олон.: Сарипорог); *Deminperti* (Видл.: Видлица). Ср. также нарицательное *elosija* ‘место жительства; хутор’ и хут. *Elosija* (Сямоз.: Акимова; Святоз.: Щеккила).

Стоит обратить внимание на то, что в большинстве своем поселения рассматриваемого региона состояли из нескольких частей. В их названиях представлены различные лексемы, отражающие особенности расселения внутри конкретного населенного пункта, ср., например: части н. п. *Alahaineagju* (Видл.: Паннисельга) (< карел. *agju* ‘край или конец деревни’); *Keskihieru* (Олон.: Судалица) (< карел. *keskihieru* ‘центральная часть поселения’); *Kohtumua* (Петр.: Вохгозеро) (< карел. *kohtu* ‘место, расположенное напротив чего-л.; противоположный берег’); **Ryhmy* — ср. мост *Ryhmänsildu* (Видл.: Кимусельга) (< карел. *ryhmy* ‘группа домов плотной застройки’);

²⁶Ср. также название казенного дома *Kaz’onnoikodi* (рус. *Кивюя*, 2 дома; Пульч.) [СНМ 1926: 70].

д. *Suarentagavone* (Олон.: Заостровье) (< карел. *tagavo(ne)* ‘место, расположенное сзади чего-л.; глухая деревня’); и др.

С приходом христианства и его последующим поэтапным принятием прибалтийско-финские земли, в том числе юг современной Карелии, были включены в церковно-административную систему Новгородского государства, здесь начали появляться погосты. На современных ливвиковских территориях наиболее древним является Олонецкий погост, основанный, как уже упоминалось выше, в середине XIII в., когда в регионе еще проживало древневепское население. Вместе с этим в прибалтийско-финские языки проникает и сам русский термин *погост*, обозначающий поселение, в котором имелась церковь.

Погостами на исследуемой территории именуется, как правило, наиболее старые поселения, ставшие со временем центрами волостей. Некоторые из них могли, видимо, являться локальными административными центрами древнесаамского населения и существовать еще в период до освоения южных частей Карелии древними вепсами — ср., например, *Олонецкий погост* и находящийся на его территории участок леса с кладбищем *Lapinpogostu* — букв. «Лопарский (саамский) погост».

В [СНМ 1873] на ливвиковских территориях фиксируется 13 населенных пунктов-погостов, которые в карелоязычной среде носят, как правило, название *Pogostu*²⁷: с. *Сямозерский погост* (31 двор; Сямоз.: Сямозеро); часть с. *Вешкильский погост* (39 дворов²⁸; *погост Вешкелицы* в 1905 г.; Сямоз.: Вешкелица); *погост Салменицы* (12 дворов; Сямоз.: Салменица); *погост Погостская (Тулмозерский погост, два двора; Видл.: Вохтозеро)*; с. *Погостское (Ведлозерский погост, 15 дворов; Видл.: Ведлозеро)*; *Видлицкий погост* (два двора в 1905 г.; Видл.: Видлица); д. *Погостская (Горский погост, два двора; Видл.: Большие Горы)*; *погост При погосте Тулокскале* (один двор) = *Погостская* (два двора в 1905 г.; Видл.: Тулокса); с. *Погостское (Коткозерский погост, 12 дворов; Олон.: Коткозеро)*; с. *Верховский погост* (семь дворов; Олон.: Тимойла); с. *Погостская, Ильинский погост* (семь дворов; Олон.: Платчала); с. *Погост Мяги* (15 дворов; Олон.: Самбатукса); *погост Куресово* (три двора; Олон.: Мегрега).

²⁷В народной среде представлены также двухчастные формы карелоязычных названий, которые, как правило, использовались жителями соседних волостей для уточнения: н. п. *Alavo(i)-ženpogostu* (Олон.), *Linnanpogostu* (Олон.), *Salmenniškanpogostu* (Сямоз.), *Tulomjärvenpogostu* (Видл.), *Tuuloksenpogostu* (Видл.), *Yllö(i)ženpogostu* (Олон.). В ряде случаев речь может идти также и о церковных приходах в целом, а не о конкретном населенном пункте.

²⁸Такое количество дворов названо в [СНМ 1873: 12]; при этом указано, что с. Гошкойлы состоит из четырех частей: *Вешкильский погост, Горсельская гора, Патракиева гора* и *Савкойла*. В итоге не вполне понятно, сколько дворов было в то время в самом Вешкильском погосте (карел. *Pappil(u)*).

В 1926 г. записывается также *погост Каскеснаволоок* (27 дворов; карел. *Kaskezniemi*)²⁹ [СНМ 1926: 66], появившийся, видимо, между 1905 и 1917 гг. В то же время карельская форма *Pogostu* в данном случае нами уже не зафиксирована, т. е. упоминание о *погосте Каскеснаволоок* есть только в указанном письменном источнике. Возможно, на неофициальном уровне эта форма не успела в полной мере закрепиться вследствие революции и последовавшего за этим упразднения церквей и церковных приходов. Обратную ситуацию можно видеть в Олонце, а также на самом севере ливвиковского ареала, в Петровском районе, где наименования *Pogostu* являются неофициальными названиями с. Вохтозеро³⁰ и части г. Олонец, при этом не отраженными в [СНМ 1873; 1905; 1926]. *Погостом*³¹ или карел. диал. *Pogosto* (**Pogostu*) ранее называлась также часть куста поселений Кондуши на территории современной Ленинградской области.

В карельском языке слово *pogosta / pogostu*³² известно в нескольких значениях: ‘село или центральная деревня с церковью внутри куста-поселения’, ‘часть поселения, где при церкви располагался дом или усадьба священника’, ‘церковный приход, находившийся в юридическом подчинении одного священника’, ‘волость или сельский приход’, ‘кладбище’. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что большинство населенных пунктов с названиями рассматриваемого типа не являлись крупными поселениями в пределах своей волости, однако именно там были церкви и дома священнослужителей, ср. поселение с церковью *Видлицкий погост* (в 1885 г. — один двор, в 1926 г. — два двора), оно же с. *Дьячкова Гора* и карел. *Papinniemi*, букв. «Поповский мыс» [ВЕР 1885: 112; СНМ 1926: 73]. При этом наименования типа *Pogostu* в топонимии Видлицы в период сборов 1970–2010 гг. уже не зафиксированы, хотя название *Videlenpogostu*, обозначавшее в целом поселение Видлица со всеми его частями, бытовало еще в первой половине XX в. [NA]. В то же время позднее в карелоязычной среде наименование *Videlenpogostu* использовалось для обозначения Видлицкой волости, а ранее, видимо, также и Видлицкого церковного прихода. В с. Вешкелица частями поселения *Вешкельский погост* были *Pappil(u)*, букв. «Место, где находится дом священника», и *Kirikkömägi*, букв. «Церковная гора». Погостом с церковью являлось в 1873 г. и трехдворное поселение *Куресово* (карел. *Kuurehenhieru*),

²⁹В 1885 г. поселение отмечено как деревня, где было 29 дворов и часовня [ВЕР 1885: 103].

³⁰Наименование *погост Вохтозеро* упомянуто в 1894 г. [СНМ 1894: 7].

³¹Ср.: «в Кондушах же, а ныне еи зовут Парфеивщина — *погост*» [ПКОП 1563: 77]; «*Погост* в Кондушах в Микифоровской волостке <...> Парфеевская» [ПКЗП 1582: 74]; «*Погост* в Кондуше у старого усадища» [РГАДА 1616–1619]; «Кондушской *погост*» [Шуберт 1832].

³²В документах XVI–XVII вв. *погост* — это и обозначение центра волости.

параллельным названием которого было *Мегрицкий приход* [СНМ 1873: 152]. Таким образом, карелоязычное именование *Mägriänpogostu* [NA] соответствовало, видимо, русскому *Мегрицкий приход*.

Поскольку лексема *погост* в карельском языке выступает и в значении ‘церковный приход’, и в значении ‘сельский приход (общество), волость’, в настоящее время практически невозможно прояснить, какое из двух этих значений имелось в виду, когда информант упоминал название погоста на карельском языке, ср., например: «*Uivan(u) oli Yllöženpogostas*», букв. (деревня) Улваны относилась: 1) к Верховскому церковному приходу или 2) к Верховскому сельскому обществу. Возможно, эти значения «дублировали» друг друга, по крайней мере в первой четверти XX в., при этом значение лексемы *pogostu* ‘волость; сельский приход (общество)’ могло стать результатом расширения значения ‘церковный приход’ после прихода к власти в 1917 г. большевиков / коммунистов, исповедовавших атеизм.

Приведем также случай употребления рассматриваемого термина по отношению к бывшей Неккульской волости Олонецкого уезда — карел. *Nekkulanpogostu*. В этом случае, видимо, речь не может идти о церковном приходе, поскольку такого прихода как будто не существовало, а сама д. Неккулицы была частью Мегрецкого прихода (карел. *Mägriänpogostu*), погостом там назывался н. п. *Куресово* (см. выше). В то же время известно, что в 1885 и 1905 гг. существовала *Неккульская волость*, названием которой в карелоязычной среде было *Nekkulanpogostu*. Карелоязычное именование *pogostu* в отношении н. п. *Неккулицы* (карел. *N'ekkul, Mägriänhieru*) может уходить корнями вглубь веков, ср. в 1582 г. *сельцо у часовни Некуницы; Некулово* (три двора) [ПКЗП 1582: 42]. Напомним, что в карельском языке лексема *pogostu* известна в том числе в значении ‘село или центральная деревня с церковью внутри куста-поселения’. Важно здесь, видимо, и то, что д. *Неккулицы* была самым крупным³³ поселением в составе Мегрецкого общества, позднее сельсовета [СНМ 1873; 1894; 1905; 1926]. В 1885 г. оно именовалось «селом бывшим государственным», при котором была церковь [ВЕР 1885: 112]. Таким

³³ В соседнем Юргильском обществе Неккульской волости [СНМ 1894; 1905] еще более крупным в сравнении с Неккулицей было поселение *Судалица*, которое, как и в случаях с Юргилицей и Неккулицей, называлось в карелоязычной среде *Sudalanpogostu* [NA]. Хотя в начале 1870-х гг. деревня не была большой (шесть дворов) [СНМ 1873: 152], она именовалась *Судальским погостом* уже в 1838 г. [ИКВД: 68–69]. В 1885 г. в издании «Волости и важнейшие селения Европейской России» это поселение было названо «селом бывшим государственным», где насчитывалось уже 28 дворов и была церковь [ВЕР 1885: 112]. Видимо, именно наличие церкви, даже с учетом малодворности поселения, позволяло именовать его *селом*, эквивалентом которого в карельском языке было слово *pogostu* ‘погост’. Ср. в связи с этим другой пример: *погост Каскеснаволок* (1926 г.; 27 дворов), но он же в 1885 г. — «деревня с часовней» (29 дворов) [ВЕР 1885: 103; СНМ 1926: 56].

образом, в конце XVI в. русскому слову *село* / *сельцо* мог, видимо, соответствовать карельский термин *pogostu*, и это продолжалось вплоть до конца XIX в., когда произошло расширение значения термина *pogostu* с появлением новой административной единицы Неккульская волость.

После революции церковно-приходское и уездно-волостное деление было упразднено, и на месте бывших приходов, волостей и сельских обществ появились районы и сельсоветы. Однако по уже устоявшейся традиции местное население продолжало именовать их *погостами*, ср.: *Jyrgilänpogostu* (Олон.: Юргельское общество; 1894, 1905 г.), *Linnanpogostu* (Олон.: Олонецкий), *Mägrienpogostu* (Олон.: Мегрец.), *Pižinpogostu* (Олон.: Обж.), *Tuuksenpogostu* (Олон.: Тукс.), *Tuuloksenpogostu* (Видл.: Тулокс.), *Videlenpogostu* (Видл.: Видлиц.). Тем самым можно полагать, что у слова *pogostu* начиная с 1920-х гг. появилось также значение ‘сельский совет’, которое не отражено существующими словарями.

Как в различного рода документах, так и в народной среде на русскоязычных территориях Карелии одним из ойконимическим терминов является лексема *село*, указывающая на крупный населенный пункт в кусте поселений или на центральную деревню в этом кусте, при которой, как правило, есть церковь. В карельском языке, как говорилось выше, в этих значениях выступает лексема *pogostu* ‘село; центральная деревня’, а термин *село* остался практически не востребованным как в карелоязычной ойконимии, так и в лексике ливвиковского ареала. Согласно имеющимся спискам населенных мест XVIII–XX вв., поселение с названием *Село* зафиксировано только на самом юге региона, в Кондушском обществе: в 1885 г. *Село* — часть д. Всегловщина [ВЕР 1885: 112]; в 1905 г. она фиксируется уже как самостоятельное четырехдворное поселение *Село* [СНМ 1905: 68]; несколько ранее это поселение было названо *селом Костиево* [СНМ 1873: 153].

Остается неясным, почему в конце XIX — начале XX в. именно эта часть имела название *Село*, поскольку на карте генерального межевания конца XVIII в. *селом* именуется другая часть Кондушей, ср. *село Михайловское, Перфильевское тож* [Карта ГМ]. *Село Костиево* 1873 г. (ранее *Кастуева* [ПКОП 1563: 77]) не является «преемником» упомянутого выше Михайловского, поскольку в 1790 г. оно представлено как отдельное поселение. Преемником же его была часть поселения XX в. с карелоязычным наименованием *Pogostanhiero*, или *Погост*, ср. в 1885 г. *Парфиевское (Еразкова Погост)*, названное в источнике «село бывшее государственное», в пределах которого было две церкви [ВЕР 1885: 112]. Возможно, церковь в Костиево была утрачена, но сам ойконим продолжал бытовать в официальных источниках. Напомним, что в топонимии Кондушей не фиксируется карелоязычный эквивалент рассматриваемой

лексемы в названии какой-либо из частей этого поселения. Нет его и в других частях исследуемого региона, хотя сам термин *село* / *сельцо* неоднократно представлен в официальных документах XVI–XIX вв., ср., например, *села* в 1885 г.: *Погосское* (Коткоз.); *Лакта*, *Погоское* (Сямоз.); *Погоское* (Вешк.); *Дьячкова гора*, *Лисий берег Большой* и *Лисий берег Малый*, *Нижний конец*, *Салменица* (*Салменишка*), *Тулмозерский погост* (Видл.); *Кинелахта*, *Погранкондуши*, *При погосте* (Тулокс.); *Сиртило* (Олон.); *Ведлозерский погост*, *Ериनावолок*, *Погосское* (Ильин.); *Тимойла* (Олон.); *Күйтежи*, *Неккулица*, *Парфиевское*, *Судалица*, *Суетжи*, *Юргилицы* (Обж.) [ВЕР 1885: 103–104, 111–112].

Во всех этих поселениях, кроме Сиртилы и Большого Лисьего Берега, были церкви, а в Кинелахте и Погранкондушах — часовни. Можно также видеть, что в пределах одного поселения, например Видлицы (см. выше), было сразу несколько «официальных» сел, и критерием именованного населенного пункта *селом* было именно наличие церкви, которая в ряде случаев в дальнейшем могла быть утрачена.

Стоит отметить, что единственный случай употребления данного термина в ойконимии карелоязычного ареала обнаруживается только на смежной южно-людиковской территории — в Михайловском сельском совете, где было четырехдворное поселение *Село* (кар. *S'ola*, вариант *Курга*) [СНМ 1873: 157]. Видимо, обе тополексемы — карел. *S'ola* и рус. *Село* — маркируют северо-западную окраину обширного ареала бытования русского термина, который проник в карелоязычную ойконимию прежде всего на официальном уровне, причем, видимо, позднее, чем используемый карелами в том же значении термин *pogostu* ‘село, центральная деревня’.

В ливвиковской ойконимии зафиксировано еще несколько терминов русского происхождения, обозначавших ранее разные типы сельских поселений. В их числе *slobodu* (рус. *слобода*) и *posuadu* (рус. *посад*).

Зона бытования последнего является северо-западной окраиной широкого ареала, связанного с освоением территории современной Карелии выходцами из Новгородских земель. Современным ливвикам слово *posuadu* / *possuadu* неизвестно, однако в русских говорах Присвирья оно фиксируется в значении ‘ряд домов; улица; деревня’. У северных вепсов лексема *posad* первоначально имела значение ‘центральная деревня гнезда поселений’ [Муллеронен 1994: 108], она представлена и в вепсской ойконимии. На сопредельной с Карелией территории Присвирья отмечено более десяти деревень под названием *Посад* [Там же: 105], ср., например, одноименные ойконимы *Posad* у карелов-людиков (Подп.: Согиницы).

Что касается ливвиковской топонимии, то в ней зафиксировано два названия рассматриваемого типа: н. п. *Posuadu* (Видл.: Хюрзюля) и уг. *Possuadu*

в окрестностях Кукшегор (Видл.: Чимойла). Не вполне ясно, в каком значении данное слово бытовало в карельском языке. Возможно, в первом из приведенных случаев речь шла именно о центральном поселении, поскольку вторая его часть называлась *Slobodu*. *Слободами*, в свою очередь, назывались посады, население которых находилось на государственной службе [Посад]. Кроме того, *слобода* — это также крестьянское поселение, созданное землевладельцем на льготных условиях на пустующей земле [Воронин 1935: 40]. У карелов-ливвиков лексема *slobodu* фиксируется, в частности, в значении ‘пригород’ [KKS]. На ливвиковских территориях в Олонецкой Карелии, кроме н. п. Хюрзюля, известно еще несколько поселений, именовавшихся ранее *слободами*: части д. *Slobodanhieru* (Олон.: Унойла), *Slobodu* (Олон.: Олонец), дд. *Sroičanslobodu* (Лодейн.: Старая Слобода), *Uuzislobodu* (Лодейн.: Новая Слобода). Ср. также название *Коблуковская слобода* в Олонце 1750 г. [НАРК 1750], которое в карельском языке не сохранилось до настоящего времени, но, как можно думать, относилось к упомянутой выше части г. Олонец с названием *Slobodu*.

С развитием в Карелии промышленного производства в исследуемом регионе стали появляться разного рода предприятия, в частности чугунолитейные и чугуноплавильные заводы. В одном случае это отражено в [СНМ 1926: 73]: н. п. *Zavodu* (рус. *Видлицкий завод*, девять дворов; Видл.). Кроме него, на рассматриваемой территории существовали также *Šugunzavodu* (Колат.), *Kutun Rauduzavodu* (Куйтеж.), *Pikin Rauduzavodu* (вар. *Rauduzavodu*) (Обж.) (рус. *Три завода* [СНМ 1873: 154]), при которых, как и в случае с заводом в Видлице, находились временные поселения для рабочих. В Сямозерье под названием *Zavadad* (вар. *Zavodoinlinnu*; Лумбила) был известен современный город Петрозаводск. В 1920-е гг. в регионе были и лесные рабочие поселки, названия которых также фиксируются в [СНМ 1926], ср., например: *Jovensuu* — рус. *Устьевая*, *Kuikka* — *Куйкка*, *Nurmoilanbiržu* — *Нурмойла*, *Uuzikylä* — *Новая Деревня*, *Vinoguuru* — *Винокурво* (Ильин.). Позднее в подобных ойконимах закрепилась заимствованная из русского языка лексема *посёлок* (карел. *pos'olku*): *Buolovehenpos'olku* (Олон.: Торосозеро), *Šiučinpōs'olku* (Олон.: Речная Сельга), *Interposol'ku* (Олон.: Лумбозеро), *Pos'olku* (Видл.: Ведлозеро); и др.

В других населенных карелами регионах (в частности, на людиковских территориях, собственно-карельских землях Средней и Северной Карелии, карелоязычных территориях Финляндии, а также у тихвинских и тверских карелов) существовали и другие ойконимические термины, речь о которых пойдет в наших дальнейших исследованиях.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	олон.	олонецкие говоры русского языка
вепс.	вепский язык	петерб.	петербургские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	прасаам.	прасаамский язык
карел.-ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
люд.	людиковское наречие карельского языка	эст.	эстонский язык

В названиях административно-территориальных единиц в 1920-е гг.

	Ленинградская область	Нялмоз.	Нялмозерский сельсовет Видлицкого района
Лодейн.	Лодейнопольский район	Обж.	Обжанский сельсовет Олонецкого района
Подп.	Подпорожский район	Олон.	Олонецкий район (сельсовет)
	Олонецкая губерния	Палалахт.	Палалахтинский сельсовет Видлицкого района
Кондуш.	Кондушское общество Неккульской волости Олонецкого уезда (совр. Ленинградская обл.)	Петр.	Петровский район
	Республика Карелия	Прионеж.	Прионежский район
Большег.	Большегорский сельсовет Видлицкого района	Пульч.	Пульчельский сельсовет Видлицкого района
Вагвоз.	Вагвозерский сельсовет Святозерского района	Савин.	Савиновский сельсовет Сямозерского района
Ведлоз.	Ведлозерский сельсовет Видлицкого района	Саримяж.	Саримяжский сельсовет Олонецкого района
Вешк.	Вешкельский сельсовет Сямозерского района	Святоз.	Святозерский район
Видл.	Видлицкий район (сельсовет)	Сегоз.	Сегозерский район
Вохтоз.	Вохтозерский сельсовет Петровского района	Сямоз.	Сямозерский район (сельсовет)
Ильин.	Ильинский сельсовет Олонецкого района	Тигвер.	Тигверский сельсовет Олонецкого района
Кинелахт.	Кинелахтский сельсовет Видлицкого района	Тукс.	Туксинский сельсовет Олонецкого района
Колат.	Колатсельский сельсовет Видлицкого района	Тулокс.	Тулокский сельсовет Видлицкого района
Коткоз.	Коткозерский сельсовет Олонецкого района	Улван.	Улванский сельсовет Олонецкого района
Куйтеж.	Куйтежский сельсовет Олонецкого района	Чалкос.	Чалкосельский сельсовет Сямозерского района
Кунгоз.	Кунгозерский сельсовет Сямозерского района	Часов.	Часовенский сельсовет Сямозерского района
Мегр.	Мегрецкий сельсовет Олонецкого района	Шелт.	Шелтозерский район
Нурмол.	Нурмольский сельсовет Олонецкого района		Финляндия
		Салм.	Салминский приход

В названиях географических объектов

пог. погост
пор. порог

уг. угодые

Прочие

вар. вариант

диал. диалектный

Источники

- АТУЛО — Административно-территориальное устройство Ленинградской области / сост. П. Е. Рыкшин. Л. : Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933.
- БЭС — Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.
- ВЕР 1885 — Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 7 : Губернии Приозерной группы. СПб. : Центр. статист. комитет, 1885.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. М. ; СПб. : Изд. М. О. Вольфа, 1881.
- ИК — История Карелии XVI–XVII вв. в документах : в 3 т. / ред. А. И. Копанев и др. Петрозаводск ; Йоэнсуу : КарНЦ РАН, 1987–1993.
- ИКВД — История Карелии в документах (с древнейших времен до начала XX века) / сост. Т. А. Варухина и др. Петрозаводск : Изд.-во ПетрГУ, 2000.
- Карта ГМ — Карта Генерального межевания Олонецкой губернии. Масштаб 2 версты в дюйме. URL : <http://maps.karelia.ru/mez/> (дата обращения: 18.11.2023).
- Клешнин 1734 — Ландкарта Олонецкого уезда с показанием города Олонца, погостов, монастырей, заводов железных и медных, деревень, рек, озера Онежского и других многих и часть Ладожского уезда / сост. А. Клешнин. СПб. : [б. и.], 1734.
- КТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Кузьмин Д. В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Изд. ОРЯС Импер. АН, 1898.
- Малый ледниковый период // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Малый_ледниковый_период (дата обращения: 11.12.2023).
- МПИК — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. / под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1941.
- Мюллер Р. Б.* Карелия в XVII веке : сб. документов. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948.
- НАРК 1750 — Метрическая книга 1750 г. Олонецкий уезд, Коблуковская слобода г. Олонца // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 1/2.
- НАРК 1782 — Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Верховской Мегрегской трети, Чилмозерской, Коткозерской волостей г. Олонца 1782 года // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Оп. 18. Д. 4/21.
- НАРК 1795 — Ревизские сказки крестьян Повенецкого уезда Семчезерского погоста // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Оп. 18. Д. 22/216.
- НАРК 1834 — Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Туломозерской вотчины Ведлозерского, Крошнозерского, Туломозерского старощений 1834 года // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 4. Оп. 18. Д. 48/455.

- НТК — научная топонимическая картотека ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск).
- ПКЗП 1582 — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 3 / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йоэнсуу : КарНЦ РАН : Ун-т Йоэнсуу, 1993. С. 34–341.
- ПКОП 1563 — Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л. : Изд-во АН СССР, 1930.
- ПМА — полевые материалы автора.
- Посад // Википедия : свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Посад> (дата обращения: 11.12.2023).
- РГАДА 1616–1619 — Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Петра Воейкова и дьяка Ивана Льговского (поместные, митрополичьи и монастырские земли), 1616–1619 гг. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Кн. 8551.
- РГАДА 1629 — Книга писцовая книга письма и меры писцов Никиты Панина, подьячего Семена Копылова дворцовым волостям, митрополичьим да монастырским вотчинным землям 136-го и 137-го гг. Вотчина новгородского митрополита в Олонецком погосте // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 308.
- РГАДА 1657 — Переписная книга солдат и крестьян Олонецкого, Заонежских и Лопских погостов переписи И. С. Дивова, 1657 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 5.
- РГАДА 1667 — Переписная книга карел — зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда дьяка Олонецкой приказной избы Ивана Олухова, 1667 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 3.
- РГАДА 1707 — Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апрелева 1707-го году // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579.
- РГАДА 1791 — Экономические камеральные примечания к картам Генерального межевания Олонецкого наместничества 1791 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 911.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под общ. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СНМ 1873 — Списки населенных мест по сведениям 1873 г. Олонецкая губерния / ред. Е. Огородников. СПб. : Тип. МВД, 1879.
- СНМ 1894 — Список населенных мест Олонецкой губернии. Петрозаводск : Тип. губ. правл., 1894.
- СНМ 1905 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. : Олонец. губ. тип., 1907.
- СНМ 1926 — Список населенных мест Карельской АССР: по материалам переписи 1926 г. Петрозаводск : Стат. управл., 1928.
- СНМ 1935 — Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1933 г.). Петрозаводск : Изд. УНХУ АКССР, 1935.
- СОН — Республика Карелия: список официальных названий населенных пунктов на русском языке и местных названий на карельском, вепсском и финском языках / сост. Е. В. Захарова. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
- Шуберт 1832 — Специальная карта западной части Российской империи, составленная и гравируемая в 1 : 420 000 долю настоящей величины при Военно-топографическом депо

- с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберга. СПб. : Изд. Воен.-топогр. депо Гл. штаба, 1826–1840.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI). URL: <https://kaino.kotus.fi/kks/?p=advsearchform> (date of access: 11.12.2023).
- NA — Suomen nimiarkisto = Ономастический архив Финляндии (научный центр Kotus, Хельсинки).

Исследования

- Воронин Н. Н.* К истории сельских поселений феодальной Руси: Погост, слобода, село, деревня. Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.
- Жуков А. Ю.* Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII–XV вв.) // Православие в Карелии : материалы респ. науч. конф. (24–25 октября 2000 г.) / отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. С. 40–47.
- Жуков А. Ю.* Сямозерьье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерьья / ред. Т. В. Вага и др. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 41–106.
- Захарова Е. В., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финские термины с семантикой ‘поселение’ в историко-культурной перспективе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 671–680. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680>
- Косменко М. Г.* Основные проблемы и задачи теории и методики изучения древностей Карелии // Археология Карелии / отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1996. С. 8–35.
- Кочкуркина С. И.* Природа Олонецкой земли. Первые поселения // Древний Олоонец / [С. И. Кочкуркина, Н. В. Куспак, В. Г. Платонов, Н. Н. Мамонтова]. Петрозаводск : Версо, 2011. С. 10–20.
- Кузьмин Д. В.* Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание : сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта / науч. ред. Н. Г. Зайцева. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2003. С. 63–68.
- Муллонен И. И.* Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука, 1994.
- Муллонен И. И.* Территория расселения и этнонимы вепсов // Народы Карелии. Историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : Периодика, 2019. С. 304–313.
- Муллонен И. И.* Топонимический метод в исследовании этноязыковой ситуации в олонецкой Карелии // Сучасныя праблемы анамастыкі. Вып. 1. Мінск : Беларуская навука, 2020. С. 214–219.
- Муллонен И. И.* Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
- Орфинский В. П., Гришина И. Е.* Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество / науч. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 13–37.
- Орфинский В. П., Гришина И. Е.* Сямозерские деревни // История и культура Сямозерьья / ред. Т. В. Вага и др. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 349–366.
- Симина Г. Я.* Географические названия. По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья. М. : Наука, 1980.
- Чернякова И. А.* К вопросу о судьбах корельских выходцев в XVII веке. Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1989.
- Vilkuna K.* Mikä oli lapinkylä ja sen funktio // Kalevalaseuran vuosikirja. 1971. Т. 51. S. 201–236.

References

- Chernyakova, I. A. (1989). *K voprosu o sud'bach korel'skikh vykhodtsev v XVII veke* [On the Fate of the Karela Immigrants in the 17th Century]. Petrozavodsk: Karel'skii filial AN SSSR.
- Kochkurkina, S. I. (2011). Priroda Olonetskoï zemli. Pervye poseleniia [Nature of the Olonets Land. First Settlements]. In S. I. Kochkurkina, N. V. Kuspak, V. G. Platonov, & N. N. Mamontova, *Drevnii Olonets* [Ancient Olonets] (pp. 10–20). Petrozavodsk: Verso.
- Kosmenko M. G. (1996). Osnovnye problemy i zadachi teorii i metodiki izucheniia drevnostei Karelii [The Main Problems and Tasks of the Theory and Methods of Studying the Antiquities of Karelia]. In M. G. Kosmenko, & S. I. Kochkurkina (Eds.), *Arkheologiia Karelii* [Archeology of Karelia] (pp. 10–20). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Kuzmin, D. V. (2003). Istoki formanta -šina v karel'skoi toponimii [The Origins of the Formant -šina in Karelian Toponymy]. In N. G. Zaitseva (Ed.), *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sbornik statei, posviashchennyi 80-letiiu G. M. Kerta* [Finnic Linguistics: Collected Papers on the 80th Anniversary of G. M. Kert] (pp. 63–68). Petrozavodsk: KarNTs RAN.
- Mullonen, I. I. (1994). *Ocherki vepsskoi toponimii* [Studies in Vepsian Toponymy]. St Petersburg: Nauka.
- Mullonen, I. I. (2019). Territorii rasseleniia i etnonimy vepsov [The Territory of Settlement and Ethnonyms of the Vepsians]. In I. Yu. Vinokurova (Ed.), *Narody Karelii. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia. Historical and Ethnographic Studies] (pp. 304–313). Petrozavodsk: Periodika.
- Mullonen, I. I. (2020). Toponimicheskii metod v issledovanii etnoiazykovoi situatsii v olonetskoï Karelii [Toponymic Method in the Study of the Ethnolinguistic Situation in Olonets Karelia]. In *Suchasnyia prablemy anamastyki* [Current Problems of Onomastics] (Vol. 1, pp. 214–219). Minsk: Belaruskaya navuka.
- Mullonen, I. I. (2022). Oikonimicheskaiia sistema iuzhnoi Karelii v razvitii [Oikonymic System of South Karelia in Development]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*, 16(4), 567–577. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-4-567-577>
- Orfinsky, V. P., & Grishina, I. E. (1998). Nekotorye zakonomernosti formirovaniia traditsionnykh sistem sel'skogo rasseleniia na territorii Karelii [Some Patterns of Formation of Traditional Rural Settlement Systems in the Territory of Karelia]. In V. P. Orfinsky (Ed.), *Narodnoe zodchestvo* [Folk Architecture] (pp. 13–37). Petrozavodsk: PetrSU Press.
- Orfinsky, V. P., & Grishina, I. E. (2008). Siamozerskie derevni [Syamozero Villages]. In T. V. Vaga et al. (Eds.), *Istoriia i kul'tura Siamozera* [History and Culture of the Syamozero Region] (pp. 349–366). Petrozavodsk: PetrSU Press.
- Simina, G. Ya. (1980). *Geograficheskie nazvaniia. Po materialam pis'mennykh pamiatnikov i sovremennoi toponimiki Pinezh'ia* [Geographical Names. Based on Ancient Written Documents and Modern Toponymy of the Pinega Region]. Moscow: Nauka.
- Vilkuna, K. (1971). Mikä oli lapinkylä ja sen funktio. *Kalevalaseuran vuosikirja*, 51, 201–236.
- Voronin, N. N. (1935). *K istorii sel'skikh poselenii feodal'noi Rusi: Pogost, sloboda, selo, derevnia* [On the History of Rural Settlements of Feudal Rus': Pogost, Settlement, Village]. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
- Zakharova, E. V., & Mullonen, I. I. (2019). Pribaltiisko-finskie terminy s semantikoi 'poselenie' v istoriko-kul'turnoi perspektive [Baltic-Finnic Terms with the Meaning of 'Settlement' in a Historical and Cultural Perspective]. *Vestnik ugrovedeniia*, 9(4), 671–680. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680>
- Zhukov, A. Yu. (2000). Formirovanie i razvitie struktury tserkovnogo upravleniia v Karelii (XIII–XV vv.) [Formation and Development of the Structure of Church Administration in Karelia

- (13th–15th Centuries)]. In V. M. Pivoev (Ed.), *Pravoslavie v Karelii: materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii (24–25 oktiabria 2000 g.)* [Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the Republican Scientific Conference (October 24–25, 2000)] (pp. 40–47). Petrozavodsk: PetrSU Press.
- Zhukov, A. Yu. (2008). Siamozher'e v XIV–XVII vekakh [Syamozero in the 14th–17th Centuries]. In T. V. Vaga et al. (Eds.), *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia* [History and Culture of the Syamozero Region] (pp. 41–106). Petrozavodsk: PetrSU Press.